

№136 2017 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

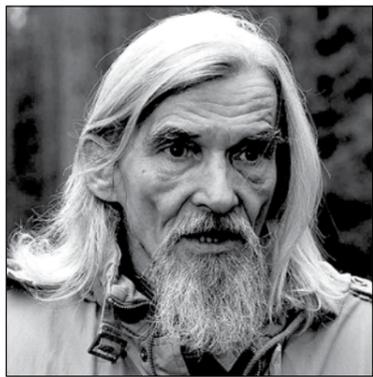
ДЕЛО ДМИТРИЕВА НУЖНО ДЛЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ «МЕМОРИАЛА»

В середине декабря 2016 года известного карельского исследователя советских политических репрессий мемориальца Юрия Дмитриева арестовали по ложному обвинению «в изготовлении порнографии». Сам Дмитриев считает, что его уголовное преследование имеет целью дискредитировать «Мемориал», сообщает Радио «Свобода». Российские писатели, ученые, журналисты и гражданские активисты выступили с заявлениями в поддержку историка Юрия Дмитриева. В «30 октября» № 134 было опубликовано большое интервью с историком, а о днях памяти в Сандормохе (это ныне широко известно захоронение жертв коммунистического режима было обнаружено Дмитриевым) — репортаж в № 135.

12 марта истек срок ареста Юрия Дмитриева на время следствия по уголовному делу, заведенному на него. 9 марта Петрозаводский городской суд продлил срок его содержания под стражей. Он пробудет под арестом до 12 апреля. Судья Олег Грабчук пояснил, что необходимо еще получить заключение баллистической экспертизы: в деле Дмитриева появились статьи 135 Уголовного кодекса РФ («Совершение развратных действий без применения насилия») и 222 («Незаконное хранение охотничьего оружия»). Почти 3 месяца 61-летний историк находится в СИЗО № 1 города Петрозаводска. В это время на улицах карельской столицы проходили одиночные пикеты в защиту Дмитриева, вопрос о его деле обсуждался на выездном совещании членов Совета по правам человека при президенте.

Сразу после известия об аресте Юрия Дмитриева к Генеральному прокурору обратился от имени правления «Международного Мемориала» Арсений Рогинский: «Уважаемый господин прокурор!

13 декабря в Петрозаводске задержан Юрий Дмитриев, историк, краевед, общественный деятель.

Мы много лет знаем Юрия Алексеевича Дмитриева как исследователя истории политических репрессий на территории Карелии, создателя книги «Поминальные списки Карелии», как человека, обнаружившего ряд мест захоронений жертв политических репрессий, одного из первооткрывателей крупнейшего такого захоронения — ныне мемориального

Окончание на с. 2 >

На снимке: Юрий Дмитриев
Фото из архива НИПЦ «Мемориал»

ДВА ГОДА НАЗАД БЫЛ УБИТ БОРИС НЕМЦОВ

22 февраля Международное общество «Мемориал» призвало всех, кому безразлично будущее России, прийти на Марш памяти Бориса Немцова или присоединиться к акциям в память о нем в других городах.

В опубликованном заявлении говорилось, что убийство Бориса Немцова — «это было политическое убийство, не первое в посткоммунистической России, но последнее. Очевидна ответственность российской власти за насаждение в стране атмосферы ненависти к любому инакомыслию. Именно эта ненависть движет убийцами».

Участники прошедших в эти дни акций почтили память Бориса Немцова и потребовали наказания не только исполнителей, но и заказчиков этого преступления и других политических убийств в России. Среди лозунгов были требования освобождения политических заключенных, прекращения преследования инакомыслящих и установления твердых гарантий гражданских и политических свобод в стране.

26 февраля 2017 года марш памяти Бориса Немцова, убитого 2 года назад у стен Кремля, прошел в Москве по бульварам. Шествие проходило по тому же маршруту, что и год назад, — по Страстному, Петровскому, Рождественскому и Сретенскому бульварам и завершилось на проспекте Академика Сахарова.

Начало мероприятия было омрачено неприятными инцидентами. Сначала полиция не разрешила участникам марша развернуть транспарант «Путин — это война». Сотрудники органов изъяли этот плакат, а организаторы не захотели начинать шествие, пока не получат его обратно. В результате мероприятие стартовало с опозданием примерно в полчаса — около 14:30.

Продолжение на с. 2 >

На снимке: Марш памяти Бориса Немцова
25 февраля 2017 года.
Фото из архива НИПЦ «Мемориал»

80 ЛЕТ НАЧАЛА АКТИВНОЙ ФАЗЫ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА

23 февраля — 3 марта 1937 года состоялся пленум ЦК ВКП(б), посвященный политическому обоснованию разворачивавшихся массовых репрессий, прежде всего в среде партийной и хозяйственной элиты.

Значительная часть пленума (с 23 по 27 февраля) была посвящена «делу Бухарина—Рыкова». Основным докладчиком выступил Н.И.Ежов. 27 февраля Бухарин и Рыков были исключены из партии и арестованы.

Установочные доклады В.М.Молотова и Л.М.Кагановича 28 февраля касались «уроков вредительства, диверсии и шпионажа японско-немецко-троцкистских агентов» в промышленности и на транспорте, доклад Ежова 1 марта — вражеской деятельности в НКВД.

3 марта в докладе Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» беспощадная борьба с врагами постулировалась как важнейший приоритет партийной работы на современном этапе. По логике Сталина, поскольку троцкисты и иные политические противники превратились «в оголтелую и беспринципную бан-

ду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующую по заданию разведывательных органов иностранных государств», в борьбе с ними нужны «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома».

На пленуме выступили 73 человека. 56 из них в 1937—1940 годах были расстреляны, 2 кончили жизнь самоубийством. Ежов в 1939 году арестован, а спустя год расстрелян по обвинению в подготовке антисоветского государственного переворота.

27 февраля 1937 года Ежов представил на утверждение членом Политбюро первый «список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР», включавший имена из 479 человек, мерой наказания для которых был определен расстрел. В течение следующих полутора лет такие списки регулярно подавались из НКВД на утверждение Сталину и его ближайшим сподвижникам — только после их визы дела поступали на судебное рассмотрение Военной коллегии.

Всего в этих 383 списках более 40 тысяч человек.

После пленума началась разработка массовых репрессивных операций, которые в литературе получили название Большой террор.

Всего, по данным «Мемориала», за период Большого террора с октября 1936 по ноябрь 1938 года по делам, которые вели органы госбезопасности (органы ГУГБ НКВД): арестовано — не менее 1,71 миллиона человек, осуждено — не менее 1440 тысяч человек. В том числе приговорено к расстрелу — не менее 724 тысяч человек;

из них: «тройками» по «кулацкой операции» — не менее 436 тысяч человек;

комиссией Наркомата Внутренних дел СССР и Прокурора СССР («двойкой») до сентября 1938 год и «особыми тройками» в сентябре—ноябре 1938 года по «национальным операциям» — не менее 247 тысяч человек;

Военной коллегией Верховного суда СССР, Спецколлегией областных судов, военными трибуналами — не менее 41 тысячи человек.

Кроме того, за тот же период: осуждено «милиейскими тройками» как «социально вредный элемент» (СВЭ) — не менее 400 тысяч человек; подвергнуто высылкам и депортациям в административном порядке — не менее 200 тысяч человек; осуждено судами общей юрисдикции по общеуголовным обвинениям — не менее 2 миллионов человек, из них в лагеря отправлено не менее 800 тысяч человек.

Дорогие читатели!

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на издание и дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала». Вы хотите получать газету по электронной почте? Отправьте в редакцию запрос на бесплатную pdf-подписку по адресу: 30october@cknot.info

Если у вас нет компьютера, напишите нам, постараемся выслать с оказией, а при случае и почтой.

Главный редактор
Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

- Услышать голоса войны. Инсталляция в «Мемориале» **с. 3**
- «Диссиденты». Книга Глеба Морева **с. 4**
- Проблемы с установкой памятника жертвам Волголага в Рыбинске **с. 5**
- «Заговоренный» Баудин Сакаев. К годовщине депортации **с. 6**
- Книга Георгия Эдельштейна «Право на правду» — в Костроме **с. 8**
- Репрессированный Юрий Додонов **с. 10**

«ДИССИДЕНТЫ»

ГЛЕБА МОРЕВА

26 января 2017 года в «Международном Мемориале» в Москве состоялась презентация и обсуждение книги Глеба Морева «Диссиденты. Двадцать разговоров», посвященной участникам диссидентского движения в СССР. Книга, выпущенная издательством АСТ, построена на двадцати интервью с диссидентами советской эпохи и охватывает период с конца 1950-х до середины 1980-х годов.

Вечере приняли участие Глеб Морев, координатор Фонда имени Генриха Бёлля в Москве, Нурия Фатыхова, глава Фонда Бёлля в России с 1999 по 2015 год, автор предисловия к книге Йенс Зигерт и руководитель образовательных программ «Международного Мемориала» Ирина Шербакова.

В небольшом зале «Мемориала» в этот вечер собралось много людей. Среди них были такие известные правозащитники, как Сергей Ковалев, Дмитрий Зубарев, писатель Лев Рубинштейн, и другие. Собравшиеся живо реагировали на выступления, и это создавало атмосферу скорее дружеской беседы, нежели строгого мероприятия.

Кроме того, выступили некоторые из героев книги — историк, член правления «Международного Мемориала» Александр Даниэль, участник диссидентского движения

Окончание на с. 4 >

ДВА ГОДА НАЗАД БЫЛ УБИТ БОРИС НЕМЦОВ

➤ Окончание. Начало на с. 1

Другой эксцесс был связан с бывшим премьер-министром России, председателем оппозиционной партии ПАРНАС Михаилом Касьяновым, на которого напал неизвестный и облил из шприца зеленкой. Провокатора задержали полицейские, а пострадавший от его действий оппозиционер остался в первых рядах колонны демонстрантов.

К маршу присоединились известные политические и общественные деятели, а также деятели культуры, в частности политики Владимир Милов, Дмитрий Гудков-старший, Илья Яшин, Григорий Явлинский, правозащитник Лев Пономарев, издатель Ирина Прохорова, журналисты Ольга Романова и Александр Рыклин, писатель Дмитрий Быков, историк профессор Андрей Zubov, мультипликатор Гарри Бардин и многие другие.

Демонстранты несли портреты Бориса Немцова с цитатами из его высказываний: «Свобода стоит дорого», «Путин, хватит врать и воевать» и другими. У некоторых в руках были плакаты, раскрашенные в цвета российского флага, с пятью отверстиями, символизирующими пять пуль, которыми был убит политик. «Мы — Борис Немцов», «Это наш город! Это наша страна», «Свободу политзаключенным», «Борис Немцов — герой России», скандировали люди.

Когда авангард манифестации уже подходил к Тургеневской площади, ее хвост еще только покидал Страстной бульвар. При этом, по данным столичной полиции, в акции приняли участие всего 5 тысяч человек, а по данным независимого мониторинга «Белый счетчик» — 15,2 тысячи человек. По данным «Белого счетчика», в прошлом году на марш пришли более 24 тысяч человек.

На марше собирали пожертвования на помощь российским политзаключенным. По словам сопредседателя движения «Солидарность» Надежды Митюшкиной, всего было собрано 252 220 рублей.

После окончания демонстрации ее участники отправились к Кремлю, чтобы возложить цветы на Большом Москворецком мосту, на месте гибели Бориса Немцова.

По сообщениям СМИ и в соцсетях, за день на народный мемориал принесли десятки тысяч букетов — больше, чем пришло людей на шествие.

Но в ночь на 27 февраля охранявшие народный мемориал гражданские активисты были задержаны и увезены полицией под предлогом поступившего сообщения о якобы имевшей место драке. Цветы, портреты и свечи были вывезены сотрудниками компании «Гормост». Впоследствии шестеро задержанных были отпущены из отделения.

Это уже далеко не первый подобный случай. На протяжении двух лет, прошедших с момента убийства, народный мемориал регулярно подвергается погромам, ответственности за которые никто не понес.

Но и сейчас к месту убийства Бориса Немцова люди продолжают нести цветы и свечи.

26 февраля митинги, шествия и памятные акции прошли не только во многих городах России, но и

за рубежом. Так, на несогласованный митинг в Санкт-Петербурге на Марсовом поле собралось порядка 5 тысяч человек.

В Нижнем Новгороде, где началась политическая карьера Бориса Немцова, состоялся марш и митинг памяти политика. По итогам митинга была принята резолюция, в частности, говорится: «Мы со всей решимостью намерены продолжить его усилия по превращению нашей страны в мирное европейское государство, соблюдающее свои международные обязательства, признающее безусловный приоритет международного права над национальными законами, требуем прекращения практики преследования за инакомыслие, принятия комплекса законов, устраняющих возможность преследования за публичное выражение мнения и наказывающих чиновников за попытку такого преследования».

Согласованные с городскими властями шествие и митинг прошли в Новосибирске.

В Волгограде прошел митинг памяти Бориса Немцова, в нем приняли участие 32 человека. Активисты назвали имена подозреваемых в убийстве Бориса Немцова и потребовали от властей их ареста.

Участники митинга потребовали также арестовать преступников, причастных к убийству Александра Литвиненко и Сергея Магницкого. Они призвали власти раскрыть уголовные дела по фактам покушения на жизни Владимира Кара-Мурзы и Олега Кашина. Прозвучали призывы немедленно вывести войска из Украины и Сирии, а также прекратить политические репрессии, вернуть свободу слова, собрания, право на независимое судебное разбирательство.

В Ростове-на-Дону на митинг памяти Бориса Немцова вышли более 100 человек. Они приняли резолюцию с требованием установления заказчиков убийства оппозиционера и привлечения их к уголовной ответственности. Митинг прошел у городского памятника жертвам политических репрессий.

В Перми, по сообщению организаторов, митинг памяти Бориса Немцова собрал более 200 человек. Акция состоялась также около памятника жертвам политических репрессий в Егошихинском кладбище.

В Саратове у памятника Вавилону прошли две акции, посвященные второй годовщине убийства политика Бориса Немцова. В 14:00 на траурное мероприятие, которое согласовал Андрей Калашников, собралось около 10 активистов. Еще через час на том же месте состоялась акция, организованная сторонниками Вячеслава Мальцева. Активисты развернули баннер «Борись за свободу» и выпустили в небо белые воздушные шары в память об убитом политике.

В Ставрополе около 40 человек почтили память Бориса Немцова. Участники акции, которая прошла на фоне задержаний сторонников «Яблока», раздали прохожим листовки, разъясняющие идеи, за которые боролся политик.

По материалам Интернет-издания «Кавказский узел», Интернет-портала «Права человека в России», ИА «Интерфакс», ИА ТАСС, Радио «Свобода»

➤ Окончание. Начало на с. 1

кладбища «Сандормох», получившего общероссийскую и международную известность и признанного Правительством Республики Карелия памятником истории и культуры.

Не всякий институт мог бы сделать работу, которую Юрий Дмитриев выполнял практически в одиночку. Тысячи жителей России и стран бывшего Советского Союза

нищу Петрозаводска, гражданку Карелии, приемную дочь нашего коллеги и друга».

Участники Дней памяти в Сандормохе возмущены абсурдным обвинением, предъявленным историку и краеведу Юрию Дмитриеву. Они обратились в прокуратуру и следственный комитет Республики Карелия. Текст открытого обращения подписал 121 человек из разных стран.

ДЕЛО ЮРИЯ ДМИТРИЕВА НУЖНО ДЛЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ «МЕМОРИАЛА»

благодарны ему за найденные им сведения об обстоятельствах гибели их родных и близких.

Обвинения, выдвинутые против него, представляются нам совершенно неправдоподобными.

Просим Вас взять это дело под свой личный контроль».

9 января 2017 года правление Санкт-Петербургского общества «Мемориал» приняло обращение к главе Республики Карелия Александру Худилайнену. «У нас нет сомнений, что грязное обвинение, выдвинутое против Ю.А. Дмитриева, абсурдно, а уголовное дело сконструировано искусственно, о чем свидетельствует и целый ряд обстоятельств его ареста и возбуждения дела, в частности тайный обыск в его квартире за день до ареста, а во время ареста — ментальное «обнаружение» в его компьютере инкриминируемых ему фотографий и моментальная же «экспертиза», признавшая эти фотографии «порнографическими».

Особенно мерзко в этом явно «казачьем» деле то, что инструментом и в то же время главной, хотя, скорее всего, и не запланированной, жертвой расправы стала одиннадцатилетняя девочка, опекуном которой является Юрий Алексеевич. Она живет в семье Дмитриевых с младенчества, он считает ее своей дочерью, а она его — своим отцом. В момент ареста Юрия Алексеевича она была «изъята» органами опеки. <...>

Родственникам Дмитриева запрещено было даже видеть девочку. В свое время многие из членов общества «Мемориал» прошли этот крестный путь: арест родителей — спецприемник — детдом. Мы думали, что те страшные испытания, через которые пришлось пройти нам, сегодня уже никому не угрожают. Но в декабре прошлого года та же судьба постигла одиннадцатилетнюю житель-

Создание мемориального кладбища стало важным событием в жизни потомков тех, кто был расстрелян и захоронен в Сандормохе. Многие детей расстрелянных сегодня уже нет в живых, и они не могут высказать слова благодарности и поддержки Юрию Алексеевичу, но есть их внуки и правнуки. Есть сотни участников ежегодных траурных мероприятий в Сандормохе, для которых это урочище в карельском лесу стало местом памяти и единения народов, культур и религий Восточной Европы. Сандормох напоминает о бессмысленности и тщетности и самого террора, и попыток его скрыть.

В этом году исполняется 20 лет со дня обнаружения Юрием Дмитриевым этого памятного места. Дни памяти в Сандормохе всегда проходили с его участием. Мы выражаем твердую надежду, что юбилейный год не станет исключением».

Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Сергей Кривенко в ходе совместного заседания с Советом по правам человека Карелии заявил, что члены постоянной комиссии СПЧ по прецедентным делам взяли под контроль дело в отношении главы Карельского отделения «Мемориала» Юрия Дмитриева.

«Мы, участники Международных Дней памяти жертв Большого террора, ежегодно проходящих на Соловках и в урочище Сандормох, возмущены абсурдным обвинением, предъявленным историку и краеведу Юрию Дмитриеву. Требуем его немедленного освобождения из-под стражи и возвращения опекаемого им ребенка в семью Дмитриева».

В 1997 году Юрий Алексеевич Дмитриев стал одним из первооткрывателей урочища Сандормох под Медвежьегорском — участка в глухом лесу, где захоронены тысячи жителей Карелии и узников Соловецких лагерей, тайно казненных в годы Большого террора. Усилиями Юрия Дмитриева и других исследователей значительное число из покоящихся в этой земле людей известно поименно.

Родные и близкие расстрелянных десятилетиями искали место их захоронения. Сегодня они могут возложить здесь цветы к символическим могилам. По решению Правительства Республики Карелия секретный могильник НКВД получил статус Международного мемориального кладбища. В наши дни здесь установлено около 400 личных памятных знаков и более 25 коллективных памятников.

Кладбище «Сандормох» стало местом памяти и паломничества, широко известным в России и за рубежом. Ежегодно 5 августа, в Международные Дни памяти, сюда из разных районов Карелии, из различных регионов России, а также из других стран приезжают родные и близкие казненных в Сандормохе, представители общественных организаций, историки, журналисты, дипломаты.

Создав Книгу памяти «Памятные списки Карелии. 1937–1938», Юрий Дмитриев собрал имена более 13 тысяч человек, расстрелянных в Карелии в годы Большого террора. Методично ведя поиски, он обнаружил в Карелии еще несколько мест их захоронения.

«Как только стало известно об аресте Юрия Дмитриева, на комиссии взяли это дело под контроль» — цитирует Сергея Кривенко сайт СПЧ. Кривенко считает, что СПЧ необходимо внимательно следить за возникающими делами различных сообществ — адвокатов, юристов, журналистов, правозащитников, — чтобы выяснять, не является ли это преследованием за их деятельность».

По его словам, правозащитники, работая с 8 по 10 февраля 2017 года в Карелии, обсуждали это дело с представителями прокуратуры и защитой.

«Мы посетили прокуратуру, органы опеки, встречались с адвокатом и разговаривали с родственниками Юрия Дмитриева. Впечатление, по имеющимся документам, что дело, мягко говоря, носит надуманный характер. Сейчас идут следственные мероприятия. Скоро дело отправится в суд, но будем очень надеяться на беспристрастность его рассмотрения», — заявил член СПЧ.

Юрий Дмитриев — лауреат премии «Золотое перо России», отец троих детей, ведущий исследователь мест политических репрессий в регионе.

Ранее Совет по правам человека уже обращался в Следственный комитет с просьбой проверить законность возбужденного против правозащитника уголовного дела, и ведомство сообщило, что инициировало проверку.

По материалам Интернет-журнала «7x7» новости, мнения, блог», Интернет-издания «Кавказский узел», Интернет-портала «Права человека в России», ИА «Интерфакс», ИА ТАСС, Радио «Свобода» сайта «Международного Мемориала»

На снимках: Первый установленный памятный знак в Сандормохе, 1998 г. Фото из архива Карельского отделения общества «Мемориал».

17 февраля в «Международном Мемориале» прошла презентация звуковой инсталляции «Horchposten 1941 / Я слышу войну». Мероприятие проводилось «Международным Мемориалом» совместно с немецким Фондом имени Фридриха Эберта. Авторы проекта — немецкие режиссеры Йохен Лангнер и Андреас фон Вестфален.

Открытие было намечено на 18:00, но состоялось с небольшим опозданием. По подсчетам корреспондента «30 октября», посетившего мероприятие, к 18:20 в аудитории собралось около 100 человек — в основном журналисты, как российские, так и зарубежные.

УСЛЫШАТЬ ГОЛОСА ВОЙНЫ

Между собой гости мероприятия перешептывались и строили догадки, что именно представляет собой звуковая инсталляция — совершенно необычный, технологически инновационный формат мероприятия; будет ли видеоряд, а может, будут зачитаны стихи времен Великой Отечественной войны. Но режиссеры, то и дело снующие между людьми, на вопросы отвечали вежливым отказом. «Придет время, и вы все увидите», — улыбаясь говорили Йохен Лангнер и Андреас фон Вестфален.

Единственным информационным источником стал опубликованный на сайте «Мемориала» пресс-релиз. Из него следовало, что зрителю будет предоставлена интерактивная русско-немецкая звуковая инсталляция, прозвучат аудиозаписи, сделанные российскими и германскими актерами, которые прочитают отрывки из дневников, писем, докладов военных администраций СССР и Германии времен Второй мировой войны. Российские и немецкие гости смогут «сменить перспективу», посмотреть на события того времени глазами бывшего врага, услышать диалог воспоминаний. Каждый желающий сможет, в частности, проследить за разработкой и пропагандой Генерального плана Ост или услышать об ужасах блокады Ленинграда непосредственно от самих осажденных.

«ИСТОРИЯ XX ВЕКА — ЭТО ТЕРРОР И ВОЙНА»

Слово взяла Ирина Щербакова, руководитель образовательных программ общества «Мемориал». «От имени «Мемориала» хочу поздравить присутствующих с открытием такого необычного для нас действия. Когда более полутора лет назад ко мне подошли два немецких режиссера и начали рассказывать о мероприятии, я не понимала и не представляла, чем в итоге окажется инсталляция», — рассказала она.

«История XX века — это террор и война. Мы всегда привязываемся к датам, и символично, что открытие инсталляции проходит в феврале 2017 года — ровно 75 лет Ленинград переживал самые суровые дни в своей истории», — рассказала Щербакова.

Советских людей, переживших ужасы войны, всегда интересовала другая сторона вооруженного конфликта, а именно — как жили, воевали, о чем думали и как переживали лишения люди по другую сторону фронта. Узнать это можно было из дневников солдат вермахта и простых немецких граждан. Русские

солдаты знали: немцы — страшный и беспощадный враг, но какво было их удивление, когда они узнали, что по другую сторону фронта были такие же люди, отнюдь не картонные человечки, которыми представляла врага советская пропаганда.

«В 1971 году я была на Пискаревском кладбище с одним немецким писателем, воевавшим против СССР и впоследствии пленным. Когда мы подошли к мемориалу павшим солдатам, у немца прихватило сердце. «Писатель просто не смог подойти, чувствуя, по его словам, свою ответственность за убийства советских военных», — рассказала Щербакова.

Затем выступила заместитель директора по науке Государственного музея обороны и блокады Ленинграда, директор фонда «Наследие» Милена Третьякова. По ее словам, инсталляция прежде всего должна быть представлена в Санкт-Петербурге, чему должны способствовать городские власти, — помещение музея не предназначено для подобных мероприятий.

Тема блокады Ленинграда мало изучена россиянами, сетовала Третьякова. История блокады не написана. Но уже сейчас ситуация исправляется: историки музея по крупницам собирают материал — в основном это записки блокадников, дневники солдат и горожан, фотографии. Впрочем, Третьякова отметила, что фотографии не всегда отражают подлинную картину. «Разумеется, тогда делать снимки могли только военные корреспонденты. Война все-таки. Большинство фотографий постановочные, пропагандистские, кадры не передают истинного ужаса», — объяснила она.

Дневники — вот главные артефакты. Историкам удалось разобраться в жизни детей в Ленинграде: прочитав записки блокадников, они установили, что единственным средством пропитания для подростков-сирот была работа на заводе. Но и заработанные копейки не гарантировали пропитания, так как покупать карточки на еду было запрещено. «Если их ловили за покупку, то судили за незаконную торговлю», — рассказала Третьякова.

«МЫ ОТБИРАЛИ У ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ ПОСЛЕДНИЙ КУСОК ХЛЕБА»

На презентацию были приглашены артисты, которые участвовали в записи дневников. Каждый из них прочитал несколько историй, которые сильно поразили собравшихся. В зале повисла тишина. Одна из историй — исто-

рия Лидии Осиповой, которая в своих записях подробно рассказывала, как немцы публично вешали людей. Другая история рассказывала об отступлении немцев, грабежах и насилии над русскими, причем автор дневника был солдатом вермахта.

«Мы отбирали у женщин и детей последний кусок хлеба, варили кур и гусей. Грузили в машины провизию. Слезы, мольбы нас не смущали. Война прощала грабеж и прощала жестокость. У инстинкта самосохранения нет совести», — зачитал актер строки дневника.

Авторы инсталляции в ходе презентации рассказали, что проект начался 2 года назад. За это время было прочитано 1200 источников — различных документов, писем, дневников, статей. Йохен Лангнер заметил, что на немецком языке нет ни одной российской или советской исторической книги, посвященной Второй мировой войне.

«Мы очень благодарны «Мемориалу» за то, что инсталляция стала возможна», — в свою очередь поблагодарил организаторов Андреас фон Вестфален.

Свою экспертную оценку инсталляции дал приглашенный эксперт, доктор исторических наук, член Европейской академии Олег Будницкий. По его словам, авторам удалось собрать редкие записи и дневники, причем они обогатились без архивов, где содержатся документы, часто искажающие истинную картину. «Понять историю через документы СССР невозможно. Многие бумаги были составлены уже после войны и не представляют никакого интереса. Другое дело — дневники. Это уникальные документы, которые удалось раздобыть авторам инсталляции», — сказал Будницкий.

«ЭТО ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ЗАКОНЧИЛАСЬ ЖИЗНЬ И НАЧАЛОСЬ ВЫЖИВАНИЕ»

На этом вступление было завершено, и гостей попросили проследовать в аудиторию, где была организована инсталляция. Каждому желающему были выданы смартфон и наушники. Войдя в аудиторию, слушатель видел несколько стульев, расставленных по-особому и снабженных специальными датчиками. Зал был разделен креслами на 6 секторов: первый ряд стульев, стоящих в центре, представлял «блокадный Ленинград»; затем направо шли 2 ряда кресел, символизовавшие «советскую сторону фронта и оккупированные территории» и «советский тыл». Аналогично было сделано и с «немецкой стороны».

Возле каждого стула начинала проигрываться запись — так реагировал гаджет на встроенные в кресла датчики. Организаторы просили слушателей не задерживаться, чтобы каждый посетитель успел побывать на инсталляции. Корреспондент «30 октября» выбрал для ознакомления с инсталляцией блокаду Ленинграда.

«Елена Скрыбина. Мать двоих детей. Дневник. Погибли Бадаевские склады. Пропитания не будет. Весь город затянут облаками дыма. Это тот момент, когда закончилась жизнь и началось выживание».

«Немецкий солдат без имени. Дневник. Никаких сантиментов по отношению к русским, пленным, детям и женщинам. Дай волю, слабину — и они присосутся к нашему продовольственному котлу».

«Юра Рябинкин. Подросток. Дневник. Я хочу забыть вкус кол-

басы, грызущий меня изнутри — настолько я голоден. Мы издерганы. От матери я не слышал спокойных слов уже черт знает сколько. Одни истерики. Конечно, причин много — голод, страх».

«НАША ИНСТАЛЛЯЦИЯ — ЭТО ДИАЛОГ РЕТРОСПЕКТИВЫ»

Йохен Лангнер рассказал о планах на будущее: «После окончания выставки в Москве мы поедем в Санкт-Петербург. Затем мы направимся в Германию, будем ездить по разным городам. Перед праздником 9 мая, который отмечается в России, вернемся в Москву».

Режиссер признался, что дата выхода инсталляции не привязана ни к чему конкретно. «Открытие ни к чему не приурочено. Так получилось», — сказал Йохен Лангнер.

В свою очередь Андреас фон Вестфален рассказал, что идея проекта возникла после того, как получил успех аналогичный проект о взаимоотношениях французов и немцев во время Второй мировой войны. «Идея была перенесена на Россию. У каждой страны есть свое видение исторического процесса. И нормально, если видение отличается — есть учебники истории, политика государства. Мы решили дать более объективную картину: глазами Германии и России, так как война не должна выглядеть однобоко, угол зрения необходимо менять, получая новую информацию», — рассказал Андреас фон Вестфален.

По его признанию, он остался доволен проделанной работой. «Получилось здорово. Я уверен, инсталляция вызовет эффект. Теперь точки зрения две, и люди смогут объективно взглянуть на произошедшее. Выбор должен быть обязательно. Приведу пример: когда вы спорите с кем-то из друзей — совершенно не важно, о чем, — ваш оппонент может привести свои аргументы, которые покажутся вам либо весомыми, либо нет. Теперь у вас будет выбор — меняться или нет. Наша инсталляция — это диалог ретроспективы», — подытожил Андреас фон Вестфален.

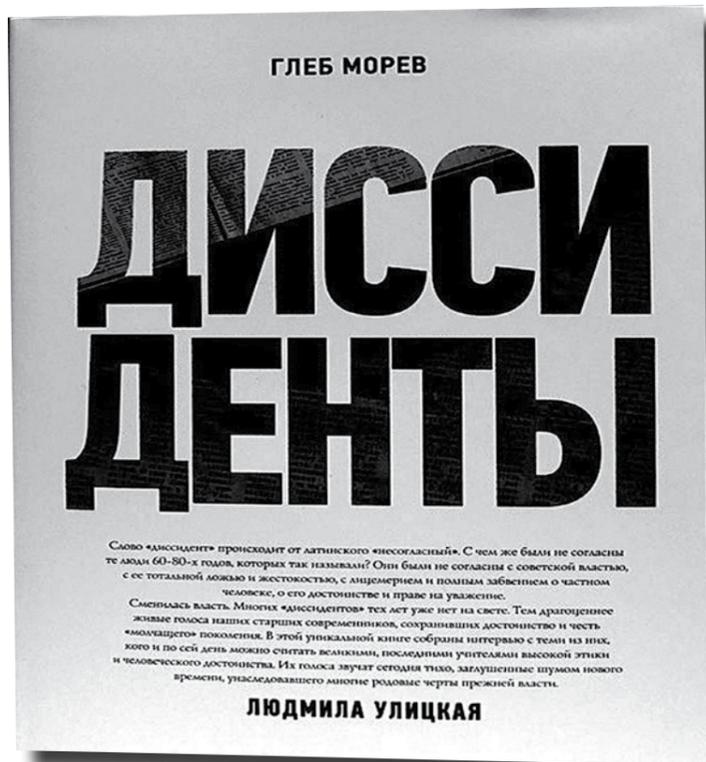
Олег КРАСНОВ,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке слева: актеры, читающие отрывки из дневников.

На снимке справа: Йохен Лангнер (слева) и Андреас фон Вестфален (справа).

На снимке внизу: Ирина Щербакова. Фото автора

«ДИССИДЕНТЫ» ГЛЕБА МОРЕВА

➤ Окончание. Начало на с. 1

в СССР, депутат Государственной думы РФ I–III созывов от партии «Яблоко» Вячеслав Игрунов, журналист и правозащитник Елена Санникова и другие.

ОНИ РАБОТАЮТ НАД ПРАВДОЙ

Как рассказала Нурия Фатыхова, интервью, вошедшие в книгу, в течение двух лет публиковались на сайте Colta.ru.

«Государство в самую первую очередь пытается контролировать историю. Для нашего фонда, цели которого во многом определены ценностями человека, чье имя мы носим, писателя Генриха Бёлла, вырисовывается очень важная задача по работе в России — поддерживать наших партнеров, которые, несмотря на репрессии, работают над «альтернативной» для государства историей. На самом деле, я даже сказала бы, что они работают над правдой, над тем, что произошло, и над тем, что происходит», — пояснила она.

«Книга «Диссиденты», как и весь проект, на мой взгляд, — это мощная попытка сохранить то, что официальная история пытается нейтрализовать. Но не только. Это и дань уважения тем людям, чьи принципы, идеи и жертвы, формировавшиеся тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят лет назад, легли в основу демократической культуры в России. Тем, кто создает сегодня институты гражданского общества, кто своим существованием и действиями делает все, чтобы было возможно говорить о наличии гражданского общества в этой стране. Поэтому для нас было большой радостью откликнуться на эту идею, издать такую серию интервью», — добавила Нурия Фатыхова.

По словам Йенса Зигерта, «Мемориал» для Фонда имени Генриха Бёлла — «очень важный партнер именно в пространстве исторической памяти».

Одной из очень сильных сторон книги Глеба Морзева Йенс Зигерт назвал то, что благодаря ей исторический термин «диссидентство» «становится опять очень живым». Перед глазами читателя предстают не сухие факты о том времени, а личные судьбы очень разных людей.

По мнению Ирины Шербаковой, Генрих Бёлл фигура в этой истории совсем не случайная. «Две памяти о прошлом играют очень большую роль: это память о войне и память о репрессиях. Если говорить о памяти о войне, которая для Бёлла была такой живой и такой важной, то он был олицетворением рефлексии в Германии. Поэтому он стал у нас таким известным писа-

телем. Это рефлексия человека, который пережил тоталитарный режим «с другой стороны». Важно, как он с ним разбирался и что это значило в его биографии. Поэтому совершенно неслучайно жизнь его тут сводила с определенными людьми, и с ними он находил общий язык, помогал, чем мог, и встречал Солженицына», — отметила она.

Что касается памяти о репрессиях, то самый большой архив на эту тему на постсоветском пространстве собран в «Мемориалах».

ТОТ ЖЕ КРУГ ВОПРОСОВ

Высоко оценивая книгу «Диссиденты», Ирина Шербакова подчеркнула, что благодаря этой публикации Глеба Морзева «мы вновь оказываемся в кругу вопросов, когда-то таких живых и таких горячих. Что такое политическая деятельность? Кто занимается политической деятельностью? Что такое правозащита? Какую роль играет культура? Кто такие либералы? Эта книжка показывает, что это круг вопросов, из которых мы совершенно не можем выбраться до сих пор. Это значит, что многие вещи остались непроработанными. И эта книжка очень хорошо это демонстрирует».

«Здесь в зале прозвучала реплика про архив КГБ. Да, конечно, в архиве КГБ накоплено много материалов. Но, к сожалению, дел оперативного учета очень мало сохранилось, их поуничтожили в конце 1980-х. Даже если их не уничтожили, я совершенно не уверен, что это такой уж ценный материал. Это взгляд на диссидентство совершенно специфический, полицейский взгляд. Взгляд через замочную скважину», — высказался Александр Даниэль.

По его мнению, архив КГБ хотя и не пустяковый, но не самый важный источник. Гораздо более важны те тексты, которые диссиденты порождали сами. Их надо собирать в первую очередь. И, конечно, очень важна «устная история». Тем более, что в этом случае, в отличие от более ранних периодов, еще не все упущено.

«То, что сделал Глеб Морев в этом отношении, — просто замечательно», — считает Александр Даниэль.

Политолог Глеб Павловский видит проблему в том, что советское диссидентство не пошло как опыт в следующую эпоху. «Это удивительное явление, потому что его нет ни в одной другой коммунистической стране. Всюду — и в Венгрии, и в Польше... ну, может быть, в Румынии тоже эти проблемы, в Болгарии и вообще во всех странах диссидентство ориентировалось на эталон советского диссидентства, и именно советское дис-

сидентство не оставило опыта, который дальше мог бы стать политическим фактором. Отдельные люди входили в будущую политику, но порознь. И поэтому, в частности, до сих пор нет, за исключением книги Людмилы Алексеевой, очень давней, большой истории диссидентства».

Сам автор выступил с критическими замечаниями в адрес своей книги: «Один из недостатков этой книжки — то, что она вышла только сейчас. К моему удивлению, несмотря на то, что двадцать персонажей, которые стали героями книги, люди довольно известные, не последние люди в правозащитном движении, для некоторых из них я был первым интервьюером», — заметил Глеб Морев.

«Здесь есть некоторый перекокс, я бы сказал, «идейного плана». В этой книге не хватает разговоров с людьми, которые не принадлежали к условно правозащитно-либеральному мейнстриму. Я не говорю, например, с русскими националистами, тут нет деятелей православного [диссидентского] движения», — отметил он.

САМОЕ ГЛАВНОЕ — В ТЕХ САМЫХ РАЗГОВОРАХ

Вячеслав Игрунов заострил внимание на сложности в работе с историческими материалами: «На мой взгляд, все, что делается в этом направлении, имеет фундаментальное

значение для будущего. Беда заключается в том, что писать современную историю неимоверно трудно. В разные времена жизни я был и диссидентом, и неформалом, и немного даже политиком, и я видел, как нельзя написать историю, опираясь только на документы».

Сколько документов диссидентского движения уничтожилось, сколько было скрыто, сколько не было написано и сказано. То, что мы получаем в документах от той эпохи, это даже не пунктир, это какие-то робкие точки, очерчивающие абрис. А больше почти ничего не осталось. КГБ видел слишком мало из того, что происходило, хотя и достаточно для того, чтобы искалечить судьбы людям и судьбу стране. Но этого мало для того, чтобы описать самое главное. А самое главное — в тех самых разговорах и тех самых спорах, которые так мало изучены.

«Нельзя опираться только на мемуары. Нельзя опираться только на интервью, потому что сейчас более, чем когда-либо, люди выстраивают себя перед интервьюером. Они хотят соответствовать сегодняшнему представлению о них», — полагает Вячеслав Игрунов. Книга Глеба Морзева «Диссиденты» примечательна тем, что в ней «очень разные люди говорят о вещах, сопоставление которых может дать больше, чем сам текст», — считает Игрунов. «Потому что, когда мы выстраивали новую, постсоветскую реальность, те самые идеи, мысли, споры, которые были тогда, многие из выводов, которые были сделаны тогда, имели прямое отношение к происходящему. Но действующие лица не обращались к этому опыту. Говорят о том, кто сколько сидел, кто как держался, но мало говорят о том, что волновало диссидентов».

Елена Санникова поделилась воспоминаниями о том, как она вошла в диссидентское движение: «Я была простой советской школьницей, и меня потянуло к диссидентам, хотя тогда еще не было этого термина. Мне было 14 лет, когда я осознала себя антисоветчицей. В 15 лет я увидела на Пушкинской площади 5 декабря Андрея Сахарова, увидела диссидентов. Прошло еще полгода-год — и горькое разочарование: «Они не против советской власти? Они не ставят целью свергнуть этот ужасный, кошмарный тоталитарный строй? Они не за революцию? Они не хотят заняться спасением России от этих кошмарных большевиков? Они за права человека борются? Да какие могут быть права человека в этой кошмарной стране? Как в Советском Союзе можно бороться за права человека?» Такое горькое разочарование у меня было лет в шестнадцать».

Как подчеркнула Елена Санникова, каждому в отдельности и всему диссидентскому сообществу в целом пришлось пройти долгий путь, чтобы прийти к пониманию того, что именно права человека являются наивысшей ценностью.

«Непростой путь, который пройден и каждым в отдельности человеком, и сообществом, к пониманию основ, осознанию того, что идеи прав человека настолько глубоко целостны и ценны, что это то, чему стоит посвятить жизнь. Это та опора, основа, на которой может вырасти гражданское общество, то гражданское общество, которое не даст никакой власти, никакой идеологии сделать режим страны тоталитарным и невыносимым для жизни и для творчества», — полагает Елена Санникова.

Вера ВАСИЛЬЕВА

На снимках: Обложка книги «Диссиденты». (Москва. Издательство: АСТ, 2017). Александр Даниэль, Елена Санникова, Вячеслав Игрунов, Глеб Морев. Фото автора

РЫБИНСК: ПАМЯТНИК ИЛИ ЧАСОВНЯ

На сайте change.org в конце января появилась петиция «Возвести мемориал жертвам Волголага в Рыбинске по проекту, победившему в конкурсе». Общественность переживает, что за основу взят проект, отличный от первоначального, и вместо обещанного памятника на этом месте появится часовня.

Конкурс проектов памятника жертвам политических репрессий в городе Рыбинске состоялся в 2008 году. Победителем стал архитектор Александр Жданов с композицией из двух усеченных бетонных пирамид, объединенных аркой с набатным колоколом и венчающим ее высоким крестом, ассоциирующимся с Голгофой — символом страдания и скорби в мировой культуре.

Мемориал планировалось установить в микрорайоне Переборы — бывшем центре Волголага. Верхневолжские лагеря были созданы для строительства Угличской и Рыбинской ГЭС, через них прошли 87 тысяч заключенных. На месте будущего сооружения был установлен закладной камень с надписью: «Сей камень есть начало мемориала жертвам Волголага».

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА — ПРОЕКТ АЛЕКСАНДРА ЖДАНОВА

Несмотря на заложенные в бюджет финансы, администрация Рыбинска не смогла организовать строительство мемориала.

«И вдруг в конце 2016 года на территории, где планировалось разместить мемориальный комплекс, начались работы по планировке и благоустройству, но совсем не по проекту, победившему в конкурсе, — пишут авторы петиции. — В ситуационном плане размещения памятного знака на месте, где еще недавно стоял закладной камень, значится некая мемориальная православная часовня (ее эскизный проект разработан

архитектором В.Семеновым), построить которую, согласно заявлениям местной власти, планируется в текущем, 2017 году.

Между тем проект, принятый в 2008 году компетентным жюри конкурса, исключает присутствие на отведенной площади каких-либо культовых сооружений. В Положении о проведении конкурса оговорено, что результаты конкурса пересмотру не подлежат.

Российская Федерация — светское государство. В данном случае речь идет о мемориале общегражданского содержания, который объединил бы общество именно памятью о многих тысячах жертв разных национальностей и вероисповеданий. И выполнять эту важнейшую функцию должна не безликая часовня, построенная как тысячи ей подобных во многих городах и весях, а памятный знак — произведение монументального искусства, к которому будут приходиться самые разные люди, а не только те, кто считают себя православными христианами.

Мы настаиваем, чтобы власти города Рыбинска и Ярославской области выполнили ранее принятые решения и, уважая лучшие традиции города, приступили к возведению мемориального комплекса по проекту архитектора Жданова».

РАЗ ОН ПРИЗНАН — НАДО ЕГО СТАВИТЬ

«30 октября» обратилась к Борису Михайловичу Крейну, одному из инициаторов петиции, с просьбой прояснить суть проблемы.

«В 2008 году был объявлен конкурс и там победил проект мемориала жертвам политических репрессий, разработанный архитектором Александром Ждановым. Никто этот проект сейчас не отвергает. Возможно, он не самый лучший. Возможно, он не совер-

шенен или идейно не тот. Он несет крест, это уже не вполне светское сооружение. Тем не менее, это монумент, а не культовое сооружение. Раз он признан — надо его ставить», — убежден Крейн.

«В прошлом году появилась группа товарищей — это, прежде всего, депутат областного совета Рыбинска Владимир Беспалько, архитектор Семенов и еще такой деятель Гребенкин, — рассказывает Борис Крейн. — Они провели так называемые слушания, на которых было человек 20 этого района, которые поддержали идею возведения часовни. И уже под этот проект начато так называемое благоустройство — проложены дорожки, сделана кольцевая площадка. Хотя, по идее, благоустройство делается после того, как возведено какое-то сооружение.

Беспалько сейчас говорит, что никакой часовни он не задумывал, что он имел в виду этот мемориал. Было потрачено 200 тысяч из депутатского фонда — еще столько же он собирается потратить для того, чтобы сделать там что-то полезное.

Проектируемую на месте мемориала часовню вначале называли мемориальной. Позже стали говорить, что мемориал возведут отдельно, часовню отдельно. Но так или иначе, на замкнутой площадке оба эти сооружения сольются в некий культовый комплекс. Тем более что и сам монумент несет православный крест. То есть это становится чем-то вроде ворот звонницы — там ведь еще колокол подвешен».

Бывший главный архитектор города предлагает поставить часовню внутри поселка, в жилой застройке. Но пока не было градостроительного совета. Приезжал ВРИО губернатора Дмитрий Миронов, была встреча с общественностью. Одна пожилая учительница задала вопрос о том, когда будет постро-

ен мемориал: «Я говорю школьникам, что будет, а его все еще нет».

«У меня подозрение, — продолжает Борис, — что захотят поставить часовню, а не памятник. Мне бы хотелось узнать мнение епископа. Но он на связь с нами не выходит, все время говорят, что он на больничном, хотя на различных мероприятиях он появляется. Религиозные деятели, с которыми я разговаривал, — все за часовню. Идею часовни будет защищать пресс-секретарь Рыбинской епархии», — считает Борис Крейн.

Предположение Бориса Михайловича подтверждает ИА REGNUM со ссылкой на слова пресс-секретаря Рыбинской епархии протоиерея Евгения Глазунова: «В идеале мы планируем, что там будут стоять и памятник, и часовня. Но на мемориал пока денег нет. На ближайшем градостроительном совете города 3 марта будет рассмотрен вопрос о возведении на этом месте часовни».

Борис Крейн уверен, что «либеральная интеллигенция, трезвомыслящие люди, большинство из тех, с кем мы разговариваем, — они за монумент и против часовни. Жители, выступающие за стро-

ительство часовни, собрали триста подписей. Мы за два дня без особых усилий собрали под петицией в Интернете шестьсот подписей».

Идея о существовании на ограниченной территории культового сооружения и мемориала вызывает протест уже потому, что там были разные по вероисповеданию люди, в том числе и атеисты.

«Я бы сказал, что это оскорбление чувств иноверцев и атеистов, — считает Борис Крейн. — Если кому-то не нравится эскиз памятника, его можно обсуждать. Но просто отбрасывать работу людей и начинать воплощать свои архитектурные представления о памяти тысячам жертв политических репрессий это по меньшей мере некорректно по отношению к людям».

Елена ХРУСТАЛЕВА,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Борис Крейн на одиночном пикете с требованием решить вопрос с установкой памятника перед администрацией Рыбинска. Фото из архива Бориса Крейна

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПОДПИСИ НА СОВЕТСКОМ ЧЕРВОНЦЕ —

ФИЛЬМ О РЕПРЕССИЯХ

Историко-документальный фильм «Подписи на советских червонцах», который был показан в конце января в киноклубе «Документаризм» Российского государственного архива социально-политической истории, посвящен людям, чьи подписи на денежном знаке гарантировали его платежеспособность. Фильм был снят по заказу и при непосредственном участии Банка России. Обо всем этом корреспонденту «30 октября» рассказал автор фильма, кинодокументалист Борис Дворкин.

«Некоторые факты об истории создания советского червонца, о судьбах людей, чьи подписи факсимиле стояли в разное время на этой валюте, были известны даже сотрудникам Сбербанка России», — говорит Борис Дворкин.

Появление исторической ленты не случайно. В 2017 году исполняется 95 лет советскому червонцу, который был выпущен в ноябре 1922 года и который был частично обеспечен золотом. В 1923 году советский червонец появился на биржах западноев-

ропейских стран и США в качестве новой валюты. Это вызвало шок на финансовых рынках: обеспеченный золотом червонец мог занять место американского доллара. Но этого не случилось, потому что экономическая политика России уходила от рыночных отношений.

Историческая справка: Первые 200 тысяч червонцев по балансу Госбанка на 28 ноября 1922 года полностью обеспечивались золотыми монетами дореволюционного образца, так называемого «имперско-

го чекана», в 5 рублей, 7 рублей 50 копеек и 15 рублей в количестве 303 500 штук. Кроме того, свободный остаток эмиссионного права в 314 653 червонца обеспечивался золотом в слитках (чистого золота 333 803 золотника 56 долей) на сумму 183 591,7 червонца, иностранной золотой монетой на 22 936,3 червонца и банкнотами английского банка в 125 тысяч фунтов стерлингов по курсу 0,865 червонца за фунт на 108125 червонцев.

Червонцы, в отличие от совзнаков (денежные знаки, выпущенные Народным комиссариатом финансов РСФСР в 1919 г. — Примеч. ред.), выпускались не для покрытия бюджетного дефицита, а для нужд хозяйственного оборота в интересах урегулирования денежного обращения. По закону, червонцы обеспечивались не менее чем на 25% драгоценными металлами (платиной, золотом, серебром) и иностранной валютой по курсу на золото и на 75% — легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и иными обязательствами.

Выпуск в обращение червонцев по декрету ограничивался в строгом соответствии с объемом товарооборота. Червонцы представляли собой кредитные деньги и по закону не являлись платежным средством. Поэтому на их лицевой стороне помести-

ли следующую надпись: «Банковский билет подлежит размену на золото. Начало размена устанавливается особым правительственным актом. Банковые билеты обеспечиваются в полном размере золотом, драгоценными металлами, устойчивой иностранной валютой и прочими активами Госбанка. Банковые билеты принимаются по их нарицательной цене в уплату государственных сборов и платежей, взимаемых по закону в золоте».

Однако в золоте взимались тогда только таможенные пошлины. Поэтому область обращения червонцев была сначала очень ограниченной.

И все же червонцы, благодаря своему золотому обеспечению, стали фактически платежным средством и в качестве такового начали успешно конкурировать как с падающим совзнаком, так и с твердой иностранной валютой — долларом, фунтами стерлингов. (Источник: Некоммерческое партнерство «Союз бонистов — Центр изучения памятников истории бумажно-денежного обращения»).

В фильме «Подписи на советских червонцах» автор рассказывает, что, когда в 1927 году исполнилось 5 лет советскому червонцу, празднование юбилея было громким, но на самом деле это было началом его кон-

ца. «Руководители государства стали проводить мероприятия, которые были противопоставлены червонцу. Он был ориентирован на рыночную экономику. Но централизация управления, государственный монополизм, обособленность от мирового рынка — все это предопределило конец червонца как потенциально конвертируемой валюты. Но признать собственные просчеты власть не желала, и она стала искать виноватых», — говорится в фильме.

Виноватами оказались те, чьи подписи факсимиле стояли в разное время на «золотом» червонце. Николай Кутлер, Владимир Тарновский, Александр Хрушев, Павел Садырин, Михаил Шефлер, Георгий Пятаков, Борис Берлацкий, Артур Блюм и другие были признаны виновными в захвате «руководящих высот» и в «контрреволюционной деятельности», о чем говорится в докладе правления Госбанка по укреплению аппарата за время с 1 октября 1927 года по 1 апреля 1930 года.

Почти все люди, чьи подписи стояли на советских червонцах разных номиналов и о ком говорит-

Окончание на с. 9

На снимке: Червонец образца 1922 г. Фото из архива ЦБ РФ

73 года назад, 23 февраля 1944 года, началась депортация чеченцев и ингушей с территории Чечено-Ингушской АССР в Среднюю Азию. В ходе операции «Чечевица», проведенной силами НКВД, НКГБ и СМЕРШа под общим руководством наркома внутренних дел Лаврентия Берии, были вынуждены покинуть свои дома почти 500 тысяч человек. В Ингушетии отмечают дату начала депортации как поминальную. В этом году к годовщине депортации приняли закон, запрещающий устанавливать в Ингушетии памятники Сталину. В Чеченской Республике 23 февраля отмечают как День защитника Отечества, а день памяти перенесен на 10 мая, что вызывает недовольство части населения республики.

Зимой темнеет рано, и семья Сакаевых, управившись с делами и поужинав, готовилась ко сну. Девочки — Маруся и Матуса — мыли посуду. Взглянув на угрожающе мигающий огонек керосиновой лампы, мать отправила старшего сына Дауда в сарай, чтобы набрал в бутылку керосин.

— Лампа, того и гляди, погаснет, — сказала Басу, а сама стала готовить какую-то мазь, чтобы натереть спину и грудь среднему сыну Алаудину, который простудился и вот уже который день его сильно лихорадило.

Было слышно, как во дворе Дауд с кем-то разговаривает. Распахнулась дверь, и вместе с ним в дом зашел сельчанин, который работал курьером в военкомате. Девочки тут же поставили чайник на еще горячую печь, поставили на стол пиалу с сахаром, стаканы.

— Нет-нет! Спасибо, некогда мне, еще в несколько домов надо зайти, — отказался чаевничать вошедший и, взглянув на лежавшего под тулупом Алаудина, вздохнул. — Болеешь? А тебе вот повестка. На фронт.

Он ушел, а в комнате стало так тихо, что было слышно, как завывает в печной трубе ветер.

— Заслонку закрой, — обратилась Басу к одной из дочерей, — а то все тепло уйдет.

Тишину нарушил младший из сыновей — Баудин.

— Я пойду завтра в военкомат и скажу, чтобы вместо Алаудина пусть меня призывают.

— Не возьмут, тебе еще нет семнадцати, — сказал Дауд.

— Посмотрим, — ответил тот.

Наутро Баудин сбегал на почту, где он стал работать, еще будучи учеником, попросил у заведующего характеристику, думая, что этот документ впечатлит военкома. В военкомате вначале его и слушать не хотели:

— Исполнится 18 лет через полгода, тогда и приходи. Не дорос еще.

Эти слова военкома задела парня за живое:

— А он дорос? — Баудин кивнул на стоявшего неподалеку односельчанина. — Он на голову ниже меня, да и сильнее его, выносили-вее. Хотите, проверьте! Я на почте работал, мне доверяли отвозить в Грозный важные документы. Полгода — это же совсем малость, а вы не хотите меня призывать, — возмутился он.

— Хорошо, — согласился военком. — 24 часа на сборы.

Возвращался Баудин домой с двойственным чувством: радовало то, что его признали достойным идти на фронт, а с другой стороны, он понимал, что для домашних, особенно для матери, эта новость не принесет радости.

Услышав новость, которую принес младший сын, Басу молча накинула на плечи шаль и вышла со двора.

— К маме пошла, чтобы тебе оранную молитву написал, — шепнула брату Маруся.

Жайна — так называется амулет, который надевают на шею человеку, охраняя его от беды.

«ЗАГОВОРЕННЫЙ» БАУДИН САКАЕВ

Плотно зашитый в кусочек кожи, треугольный жайна на шнурочке Басу накинута на шею сыну, шепча при этом молитву. А потом, не проронив ни слезинки, стала собирать Баудина в дорогу.

Баудин писал домой часто. Родные узнавали, что он воевал в составе стрелкового отделения танкового соединения 1-й Украинской армии. Январь 1942 года, 7 месяцев, как идет война. Армия несет большие потери. Для него, сельского парня, вчерашнего школьника, очень быстро наступила пора взросления. Его называли отчаянно смелым. Старшие по возрасту и по званию однополчане старались оградить его от отчаянных поступков. Но он был как заговоренный. В одном из боев при отступлении тяжело ранили его односельчанина — Мухади. Санинструктор, девушка-дьюмовочка, кинулась было к нему, чтобы вытащить из-под обстрела. Да не решилась. И тогда Баудин ринулся к Мухади. Где ползком, где перебежками. Взвалил Мухади себе на спину и умудрился вернуться к своим. В одном из писем, не вдаваясь в подробности, написал, что помог выбраться с поля боя Мухади, просил передать его родным, что тот находится в госпитале.

Старшие в семье Сакаевых были неграмотные. И когда почтальон приносил в их дом солдатские треугольники, то Басу прятала их на груди в ожидании сыновей, которые, вернувшись, читали письма Баудина вслух. Потом она аккуратно складывала письмо в треугольничек, заворачивала в платок и прятала в сундук. Иногда, когда никто из домашних ее не видел, она вытаскивала этот сверток, брала письма и, хотя читать не умела, просто заново пробежала глазами исписанные химическим карандашом странички. Строчки на некоторых были замазаны черной краской. Как пояснил ее старший сын Дауд, замазаны были военные секреты. И хотя, как она поняла, письма ее сына читал кто-то чужой и прежде, чем попасть в Ачхой-Мартан, эти треугольнички проделали большой путь, Басу все равно казалось, что эти листочки в клеточку хранили запах ее сына. Писем становилось все больше, и они для Басу служили как бы дорожкой к сердцу ее сына, который был так далеко и каждый день подвигал свою жизнь смертельной опасности. Письма пропали, когда в феврале 1944 года их семью, как и всех чеченцев и ингушей, объявили предателями и врагами народа, погрузили в теплушки и отправили в село Семиозерного района Кустанайской области.

— Никто же не знал, что будут выселять, — рассказывает Яхита, дочь Баудина. — Рано утром зашли военные, велели быстро собираться и выйти во двор. Сказали, чтобы брали еду и теплую одежду, потому что там, куда повезут, холодно. Басу и Марусю с Матусей металось по дому, кидая в расстеленную на полу скатерть самое необходимое. Помочь им было некому: накануне всех мужчин села увели якобы на собрание в клубе. Это уже потом их сажали в «студбекеры», в которых уже с тюками вещей и кое-какой едой были их женщины.

Колонна машин уже выехала за пределы Ачхой-Мартана, когда Басу вспомнила про письма Баудина. Она кинулась к солдатам, которые с автоматами стоя-

ли в машине, плача стала горячо упрашивать одного из них, как она думала, старшего, чтобы оставил машину, потому что там, дома, остались письма ее сына, который воевал на фронте. Она говорила по-чеченски, и солдат недоуменно смотрел на плачущую женщину, не понимая, чего она хочет. Находившаяся тут же односельчанка, хорошо знавшая русский язык, перевела просьбу Басу.

— Не положено, — буркнул тот, и уже чуть помягче добавил: — Нельзя останавливаться, мать.

А ей показалось, что оборвалась какая-то ниточка, связывающая ее с младшим сыном и ее сына с домом. Уже потом, спустя десятилетия после войны, Яхита, рассматривая пожелтевшие листочки — выписки из госпиталей, где лечился после ранений Баудин, — с удивлением увидела, что первое ранение ее отец получил как раз 23 февраля 1944 года, когда его семью, семью фронтовика, отправили в ссылку.

Баудин, как он потом рассказывал, еще долго писал письма по старому адресу в Ачхой-Мартан. Но кто получал эти весточки с фронта?.. Только через полгода политрук ему сказал, что чеченцев и ингушей выслали в Казахстан. Баудин пытался выяснить, за что депортировали родных, но ответа он не получил. Зато он узнал,

что чеченцев и ингушей из офицерского состава отправляют в места ссылки их народов. Он боялся, что сейчас, когда советские войска ведут наступление по всем фронтам и все говорят, что война подходит к концу, его тоже могут отправить с фронта. С этим вопросом обратился он к политруку. Тот спросил: «А как ты сам хочешь?» — «До конца хочу воевать», — не задумываясь, ответил Баудин. «Ну, иди, ты же у нас заговоренный».

Заговоренный? Возможно. Однажды их подразделение попало в окружение. Его послали разведать, где можно найти более слабое звено, чтобы прорвать окружение. Он все выяснил и возвращался лесом в расположение своего взвода, как вдруг услышал голоса — немцы! Спрятался за деревьями и видит: два фашиста, переговариваясь, не спеша, ведут двух солдат. Те — без оружия, у одного перевязана голова, идет, спотыкаяется. Решение Баудин принял быстро. Выскочил из-за дерева с криком: «Наши — ложись!» — и открыл огонь по фашистам, а потом, забрав оружие, вместе с освобожденными пленниками вернулся к своим. Отряд успешно вышел из окружения.

Иса рассказывает, что один солдат, как потом оказалось, был родом с Дальнего Востока, а другой — из Краснодарского края.

— Тот, что из Краснодарского края, нашел отца и приехал к нам в гости в 1978 году. Пока отец был жив, они часто переписывались, перезванивались. К сожалению, не знаем, какова дальнейшая судьба того человека: во время первой чеченской войны наш дом был разрушен и сгорела часть отцовских бумаг, в том числе и тетрадь с адресами многих его однополчан и краснодарского его друга тоже.

...Война подходила к концу. 1-я Украинская армия, в составе которой воевал Баудин Сакаев, освобождала города и села Украины, Румынии, Чехословакии. Баудин Сакаев был награжден орденом Красной Звезды. В одном из боев он получил второе ранение. Пуля попала бы в сердце, но срикошетила, ударившись об орден, и по касательной, потеряв от удара скорость, застряла где-то в ребре. О том, что Баудин был дважды ранен, родные узнали лишь после того, как он, демобилизовавшись, приехал в место ссылки.

— На ордене была четко видна вмятина на месте, куда попала пуля, — рассказывает Иса и с сожалением добавляет: — Я пацаном был. Играли в войнушку. Я вытащил из коробки, где лежали отцовские фронтовые награды, и прицепил себе на майку орден Красной Звезды. Он был самый красивый. В ходе игры, спасаясь от «врага», закопал орден где-то под деревом. И забыл, где. Потом искали всей улицей, но так и не нашли. Влетело мне тогда от мамы по первое число.

— Он не любил вспоминать военные годы, — говорит Иса. — Даже фильмы смотрел и расстраивалось очень. Иногда досадливо уходил от телевизора, потому что, по его словам, фильм был надуманный, неправдивый. А вот про киноэпопею «Освобождение» говорил, что все, что было в фильме, — было на самом деле. Он смотрел все пять серий. Особенно внимательно ту серию, где говорится об освобождении Праги. Потому что он был участником этих боев. Отец говорил, что фильм правдивый, потому что автор сценария — писатель Юрий Бондарев, который воевал на фронтах Великой Отечественной войны.

День Победы все отмечают 9 мая, но для тех, кто воевал за освобождение Праги, День Победы наступил только 13 мая. Баудин ждал демобилизации, но его оставили в резервном полку, который дислоцировался в городе Штетенберге в Чехословакии. Командование предупреждало бойцов, что хоть Чехословакия и освобождена от фашистов, никто не застрахован от неприятностей. Начало ноября в Чехословакии — это разноцветный ковер из опавших листьев, это робкие остатки цветов на некогда роскошных газонах. И если бы не разрушенные кое-где здания, то о войне можно было бы и не вспоминать.

На пустыре между двумя домами играл ребенок. Баудина как будто кто-то в спину толкнул — он подбежал, схватил ребенка и только успел заскочить за стену дома, как на том месте, где стоял ребенок, разорвался снаряд. Находившийся неподалеку жители городка немец-

Окончание на с. 7

На снимке: Баудин Сакаев со спасенной девочкой, 1945 г. Фото из семейного архива Сакаевых

➤ Окончание. Начало на с. 6

ли от неожиданности. В это время к Баудину, который еще держал на руках ребенка, подбежала женщина и, плача, стала ему что-то говорить. Он передал ей ребенка — это была девочка, — и вернулся в полк. А на следующий день в расположении полка пришла эта женщина с девочкой и с переводчиком и попросила Баудина сфотографироваться с ее дочкой. Она пояснила смутившемуся Баудину, что «дочка должна знать солдата, который спас ей жизнь».

Демобилизовали его осенью 1948 года. 4 года его родные не знали, жив он или нет. Да и сам Баудин, направляясь в Среднюю Азию, толком не знал, где ему искать своих родных. Помогли в военкомате. До села в Семиозерном районе Кустанайской области он добрался поздно вечером. Командант указал приземистую постройку, где жили его родители. В маленьких окнах темно, поздно, все спят. Он тихонько постучал в окошко, потом, чуть погромче, в дверь.

— Кто там? — узнал он голос мамы.

— Это я, Баудин.

Она обняла его, плача от счастья, крепко прижалась к сыну, такому большому и возмужавшему, оцарапав щеку об орден Отечественной войны. Руконюшпала на груди жайна — амулет:

— Слава Всевышнему, ты вернулся живой и здоровый. Теперь все будет хорошо.

Через несколько дней после возвращения домой Баудин отправился в дирекцию совхоза в надежде устроиться на работу — как был, в военной форме, с орденами и медалями на груди. Директор и слушать его не захотел «Для вас работы нет!» — отрезал он. «Для кого это «для вас?» — поинтересовался Баудин. «Для таких, как ты, — бандитов», — сказал директор. «Это я бандит?» — возмутился парень и влил директору увесистую пощечину. Баудина тут же повязали находившиеся в конторе два казаха и повели в милицию, которая находилась через дорогу. «Все, «герой», ты теперь свою законную «десятку» получишь!» — злорадствовал бежавший следом директор.

«Десятку» Баудин не получил. Вместо нее пришлось отсидеть 15 суток в местной катажке за хулиганство. Вмешался военком района, который вступился за Сакаева, и он же потом помог парню устроиться на работу.

До возвращения на родину, в Чечено-Ингушетию, было еще долгих девять лет, и за эти годы в ссылке пришлось еще много хлебнуть горя.

Турлучная постройка, где жила пять семей депортированных, раньше была конюшней. Первую зиму так и жили в этом помещении. Баудин, перенесший все тяготы фронтных будней, никак не предполагал, что в одном помещении, без всяких перегородок и стен, живут все вместе: дети, старики, молодые пары и девушки.

В правлении колхоза эту конюшню, покрытую камышом, называли баракком. В дождливую погоду женщины едва успевали подставлять тазы, ведра, чтобы потоки воды вконец не залили помещение барака.

— Мамина семья тоже жила в соседстве в таком же бараке, правда, это раньше была не конюшня, а кошары. Но такая же: с дырявой крышей и саманными стенами. Она вспоминала, как Баудин добывался, чтобы крышу этих баракков покрывали шифером, чтобы выделили лес, чтобы хоть как-то соорудить в бараках нечто похожее на отдельные комнаты. Он был совершенно неугомонный. И его мать Басу боялась, что власти не посмотрят, что Баудин фронтовик, а за его резкие выступления в адрес председателя колхоза придерутся и посадят его в тюрьму. Таких примеров было много, — рассказывает Яхита.

По ее словам, Баудин умел не только требовать, добиваясь справедливости, но и предлагал методы решения проблемы. Его — энергичного, к тому же коммуниста (в ряды КПСС он вступил на фронте) — районное руководство заметило, он был грамотный, энергичный, хорошо говорил по-русски и казахский успел выучить. Вот и рекомендовало правлению колхоза поручить ему «ответственный участок работы».

— Так Баудин стал учетчиком, и ему выделили бричку, а кучером у него был старый казах. В обязанности Баудина входило подсчет и начисление трудодней. Если бы районные начальники знали, какой характер у Баудина, они никогда бы не рекомендовали его на должность учетчика. В нашем селе было несколько семей, где детишек воспитывала-кормила только мать. Отца или убили, или же, что чаще всего случалось, он умер в первые месяцы ссылки. Все «враги народа» работали на полях, фермах от зари до зари, а оплачивалась эта работа для депортированных по самой низкой ставке. И много ли нарабатывает трудодней женщина, которая раза два три в день убегают кормить детей? Но Баудин умудрялся именно этим женщинам выписывать дополнительные трудодни за работу, которую они не выполняли. Короче говоря, делал приписки. На своей страх и риск, — говорит Яхита.

Баудин женился через три года после демобилизации. За это время так и не смог купить себе гражданскую одежду — первый визит к будущему тестю, который жил в соседнем бараке, нанес в застиранной, выгоревшей на солнце гимнастерке. Засватал девушку, Баудин, получив ее согласие, построил дом: комната с печкой и крохотные сени. А доводить до ума новое жильё пришлось невесте — жених пропал на работе. Вернувшись из ссылки, жена Баудина ворчала: «Там стены мазала, сюда приехала — опять глина, опять стены мазать, опять белить».

Когда они вернулись в Ачхой-Мартан, увидели, что в их доме живут корейцы. Освободить жильё те не собирались, пришлось свой же дом выкупать у них.

— Отец женился еще в Казахстане, там же родились Яхита и Арби. Семейными были и его братья. Чтобы построить всем братьям по дому, ездили каждый год на заработки в Казахстан. С марта по октябрь работали там — строили дома, кошары, другие сельхозпостройки. Зарабатывали деньги на строительство своего дома, — рассказывает Иса. — Отец, правда, не ездил. Во-первых, ранения давали о себе знать, а во-вторых, райком партии направил его на учебу в Московскую высшую партийную школу. После он работал долгое время в совхозе «Лермонтовский», был председателем Совета ветеранов Чеченской Республики.

Его четыре сына отслужили в армии. Баудин с женой Алпату ездили на принятие присяги ко всем сыновьям, кроме Шамиля, который служил в танковых войсках на Дальнем Востоке. Дважды Баудин принимал участие в Парадах Победы на Красной площади.

Баудин Сакаев был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды, 14 медалями и другими знаками отличия. Часть его семейного архива (в том числе почетная грамота и благодарственное письмо за подписание маршала Конева, красноармейская книжка и фотографии времен войны) находится на хранении в Музее современной истории России.

Улица, на которой он жил и на которой живут его сыновья, теперь носит имя Баудина Сакаева.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

ВОЗВРАЩЕНИЕ АРХИВА

19 декабря 2016 года дочь известного диссидента Кронид Любарского Вероника Любарская передала в архив «Международного Мемориала» 10 томов вещественных доказательств из архивно-следственного дела ее отца.

Кронид Аркадьевич Любарский — один из авторов идеи Дня политзаключенного в СССР. В 1972 году Кронид Любарский был арестован. В 1996 году — реабилитирован, но изъятые в 1972 году материалы так и не были возвращены.

Как рассказал член Совета НИПЦ «Мемориал», сотрудник архива «Международного Мемориала» Александр Макаров, в принципе, архив ФСБ должен

был вернуть их, поскольку, согласно ст. 11 Закона о реабилитации, «реабилитированные лица и их наследники имеют право на получение сохранившихся в делах рукописей, фотографий и других личных документов». «В 1990-е такие прецеденты были — материалы передавались или самим реабилитированным, или их наследникам. Так, к примеру, в 1995 году Александр Гинзбург получил архив журнала «Синтаксис».

Кронид Аркадьевич Любарский (1934–1996) — участник правозащитного движения в СССР, политзаключенный, политэмигрант.

Еще студентом, в 1953 г., Кронид Любарский был организатором одного из первых в постсталинское время открытого коллективного письма протеста в газету «Правда».

В правозащитном движении Любарский участвовал с середины 1960-х годов. В качестве причины своего противостояния с советской властью называл «эстетические противоречия» («система вызывает столь глубокое отвращение, что однажды чувствуешь невозможность существовать в ней»). Активно участвовал в распространении Самиздата.

17 января 1972 г. Любарский был арестован по делу «Хроники текущих событий» (во время обыска на его квартире было изъято более 600 документов, рукописей и книг); в октябре того же года осужден на 5 лет строгого режима за «антисоветскую агитацию».

Срок он отбывал в 19-м лагере в Мордовии, затем за «систематические нарушения режима» переведен во Владимирскую тюрьму.

В 1974 г., находясь в лагере, выдвинул идею организации единого Дня сопротивления политическим заключенным, вместе с несколькими товарищами разработал концепцию его проведения и смог распространить эту идею по другим лагерям и тюрьмам.

С 1974 г. 30 октября отмечался как День политзаключенного в СССР (с 1991 г. в России это официальный День памяти жертв политических репрессий).

После освобождения в январе 1977 г. Любарский был определен наительство в Тарусу. Он стал одним из преемников арестованного 3 февраля Александра Гинзбурга в качестве распорядителя основанного Солженицыным Фонда помощи политзаключенным (вместе с Малвой Ландой и Татьяной Ходорович) и вошел в советскую группу «Международной Амнистии».

В результате против него вновь возбуждаются уголовные дела: сначала за «тунеядство», затем за «нарушение правил надзора», наконец — снова за «антисоветскую агитацию», на этот раз по ст. 70 ч. 2, предусматривающей срок до 10 лет особого режима.

В результате под давлением властей 14 октября 1977 г. Кронид Любарский покинул СССР. При выезде он и вся его семья были лишены советского гражданства. С начала 1978 г. проживал в Германии.

В эмиграции Любарский продолжал работу, издавая информационный бюллетень «Вести из СССР» (по одному выпуску раз в 2 недели в течение 14 лет), ежегодные «Списки политзаключенных в СССР», с 1984 г. — публицистический журнал «Страна и мир».

Кронид Любарский вошел в состав возрожденной в 1989 г. Московской Хельсинкской группы и в 1994–1996 гг. был ее председателем. В 1990 г. он смог впервые вернуться в Москву в составе международной комиссии, расследовавшей обстоятельства гибели Рауля Валленберга.

2 июня 1992 г. Крониду Любарскому и членом его семьи было возвращено российское гражданство. С конца того же года он начал активно работать в России, и в феврале 1993 г. его семья окончательно переехала в Москву, где Любарский стал первым заместителем главного редактора журнала «Новое время».

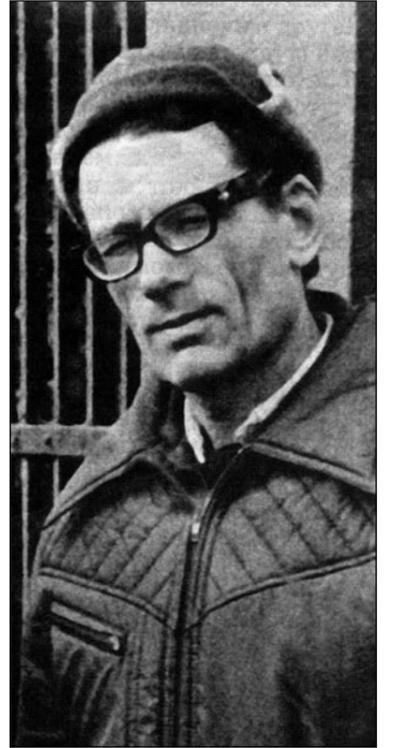
Кронид Любарский был членом Комиссии по гражданству, участвовал в разработке либерального «Закона о гражданстве» РФ, входил в состав Конституционного совещания, автор нескольких статей новой Конституции РФ, важнейшими из которых он считал статьи о свободе передвижения и выбора места жительства (то есть об отмене прописки), а также о свободе выезда за пределы России.

После принятия Конституции Конституционное совещание было преобразовано в Общественную палату при Президенте РФ, из которой Любарский вышел в 1994 г. в знак протеста против войны в Чечне. Любарский был членом редколлегии ряда журналов, создателем и главным редактором «Российского бюллетеня по правам человека».

Кронид Любарский много путешествовал. Он погиб 23 мая 1996 г., утонув в океане во время поездки на остров Бали. Похоронен в России. В 1997 г. Крониду Любарскому была посмертно присуждена российская премия свободной прессы по номинации «Мастер».

Весной 2000 г. Международный институт прессы в Нью-Йорке (основанный 50 лет назад всемирная сеть издателей и редакторов) выбрал 50 имен, ставших за последние полвека символом защиты свободы слова во всем мире. Из большого списка кандидатов на столь непростую номинацию были выбраны по одному из лучших представителей каждой страны. От России эта честь выпала Крониду Любарскому.

«Словарь диссидентов Центральной и Восточной Европы», «Мемориал» (Москва), Центр «Карта» (Варшава). Руководители проекта: Александр Даниэль («Мемориал») и Збигнев Глюза (Центр «Карта»)

Однако в последние годы архивисты под предлогом неадекватности архивного фонда не очень охотно расстаются с подобными материалами. В 1972 году суд не принял никакого решения о том, что делать с вещественными доказательствами — передать семье, уничтожить или оставить в деле. Ссылаясь на это, сотрудники архива ФСБ по Москве и Московской области отказывались отдавать документы. Тогда мы обратились в Московский областной суд. И 20 октября 2016 года суд постановил, что да, документы нужно отдать», — рассказал он. В итоге в декабре документы отдали.

Говоря о значении возвращенных материалов, к которым теперь получат свободный доступ исследователи, Алексей Макаров отметил, что речь идет о большом комплексе документов начала 1970-х годов, включая рабочие материалы к «Хронике текущих событий», позволяющие понять, каков был механизм работы редакции «Хроники». Кроме того, среди полученных материалов оказались статьи, которые раньше вообще не были известны по кратким аннотациям в «Хронике текущих событий», например статья Анатолия Яковсона «Мы и они», статья Андрея Славина (псевдоним литературоведа Кожаринова) «Некоторые заметки о современном демократическом движении», статья Александра Сибири «Установка патриота советской власти».

«Это положительный опыт сотрудничества исторической и правозащитной частей «Мемориала»: в суде нашу позицию представляли юрист Правозащитного центра «Мемориал» Татьяна Глушкова и адвокат Даниил Хаймович. Надеюсь, что это сотрудничество будет продолжено, поскольку есть еще ряд дел диссидентов, в которых содержатся материалы Самиздата, которые мы хотели бы получить — например, дело Юрия Шихановича», — заключил сотрудник архива «Мемориала».

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Кронид Любарский, 1972 г. Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ДАЛЬСТРОЯ ПОЯВИТСЯ НА КОЛЫМЕ

На территории Магаданской области много заброшенных захоронений заключенных ГУЛАГа и в отдаленных районах, и в пригороде Магадана. Сейчас принято решение о создании мемориального комплекса в пересыльной тюрьме Магадана. Эти работы будут проводиться в рамках государственной концепции по увековечению памяти жертв политических репрессий, второй этап которой рассчитан на 2017–2019 гг.

История колымских лагерей берет свое начало в 1928 году, когда на территории региона нашли месторождения золота. Уже в 1931 году в Магаданскую область завезли первых заключенных. По архивным данным, только через Севвостлаг, который являлся крупнейшим лагерем на Колыме, с 1932 по 1957 год прошло не менее 800 тысяч человек, из которых, по данным Общества «Мемориал» и Общества незаконно репрессированных поселка Ягодное Магаданской области, погибло до 150 тысяч человек. Всего на Колыму и Чуокту, где также были построены лагеря ГУЛАГа, было доставлено более 2 млн заключенных.

Сейчас лагерные постройки заброшены, места многих найти практически невозможно без помощи местных краеведов и историков. Поэтому 13 февраля в правительстве Магаданской области состоялось заседание по реализации второго этапа Концепции политики по увековечению памяти жертв политических репрессий на территории Магаданской области на 2017–2019 гг.

Со вступительным словом выступил губернатор области В.П.Печеный. Он, в частности, отметил, что «в 2017 году исполняется 100 лет Октябрьской революции и 80 лет Большого терро-

ра 1937 года. В Магаданской области особое отношение к периоду политических репрессий, так как во многих семьях они коснулись их родных и близких. Это история Колымы, она тяжелая, она трагическая, но мы обязаны ее хранить».

Министр культуры и туризма области Л.А.Горлачев рассказала о плане мероприятий по реализации второго этапа Концепции. Речь также шла о создании мемориального комплекса на базе одного из старых, заброшенных лагерных сооружений города Магадана.

А двумя неделями раньше была создана рабочая группа из 23 человек, которую возглавил губернатор Магаданской области В.П.Печеный. В нее вошли два его заместителя, сотрудники министерств дорожного хозяйства и строительства, департаментов внутренней и информационной политики, имущественных и земельных отношений, культуры и образования; представители областного музея, Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института, информационного центра Управления МВД России по Магаданской области; работники библиотек и архивов; члены общественных организаций Магаданского областного историко-просветительского общества «Мемориал» и Ягоднинского общественного историко-просветительской организации «Поиск незаконно репрессированных».

Выслушав министра культуры и туризма Л.А.Горлачеву, члены рабочей группы приступили к обсуждению планов на будущее, вносили свои дополнения. С выступлением министра, а также со словами губернатора о том, что в Магадане должен быть создан мемориальный комплекс, согласились все.

А ближайшими мероприятиями на территории Магаданской области в течение 2017–2019 годов станут внесение в перечень объектов культурного наследия памятников жертвам ГУЛАГа и мест захоронений массовых репрессий и включение их в Единый государственный реестр памятников истории и культуры.

Будут организованы в пределах Магаданской области передвижные историко-краеведческие выставки. Планируется создание портала «Магаданский краевед».

Намечается открытие рубрик соответствующей тематики в СМИ городских округов, будут разработаны туристические маршруты в места, где остались следы бывших исправительно-трудовых лагерей. Также в ближайшей перспективе намечено издание Книги памяти и переиздания книг об истории Дальстроя и Севвостлага.

Особое внимание будет уделено выставкам и вечерам, посвященным известным людям – бывшим узникам колымских лагерей. Среди них, к примеру, киноактер Георгий Жженов, конструктор космических кораблей Сергей Королев, поэтесса Виктория Гольдовская, пи-

сатели Варлам Шаламов и Борис Лесняк и другие.

На месте бывших поселков вдоль Колымской трассы планируется установка информационных щитов с краткой историко-краеведческой информацией.

Это всего лишь часть одобренных комиссией мероприятий. Всего же их 49, не считая дополнений, внесенных на заседании членами рабочей группы.

Что касается самого мемориального комплекса, то рабочая группа приняла решение о его создании в Магадане, в здании бывшей пересыльной тюрьмы постройки 1940-х годов. Здание бывшего штрафного изолятора пересыльной зоны Севвостлага – это одна из двух сохранившихся в Магадане тюрем сталинской эпохи. Всего на территории Колымы в разное время действовало свыше 200 лагерей и тюрем, в которых содержались, в том числе, и жертвы политических репрессий.

После заседания рабочая группа выехала к зданию пересыльной тюрьмы и осмотрела его. Объект произвел впечатление на всех «экскурсантов», и в ближайшие 3 года он может стать своеобразным мемориальным комплексом, посвященным истории Дальстроя, Магаданской области, в том числе и печальной странице нашей истории – репрессиям.

Иван ПАНИКАРОВ,
общество «Поиск незаконно репрессированных»,
поселок Ягодное,
Магаданская область

На снимках: Здание и тюремный коридор бывшей пересыльной тюрьмы Магадана постройки начала 1940-х годов.

Фото автора

НЕ ПЕДАГОГ, НЕ АГИТАТОР, НЕ МИССИОНЕР

В Костроме 1 марта состоялась презентация книги протоиерея Георгия Эдельштейна «Право на правду», в которой рассказывается о взаимоотношениях государства и церкви в XX веке.

Протоиерей Георгий Эдельштейн (р. 20 июля 1932 г.) – священник Воскресенской церкви села Карабаново Костромской области, кандидат филологических наук, участник диссидентского движения в СССР, член Московской Хельсинкской группы, автор книги «Записки сельского священника» и большого числа других публикаций.

Книга «Право на правду» – это сборник статей, которые в разные годы православный священник Георгий Эдельштейн публиковал в своем Живом журнале. В печатный вариант, выпущенный тиражом 1000 экземпляров, вошли публикации о современном состоянии Русской православной церкви и интервью Георгия Эдельштейна.

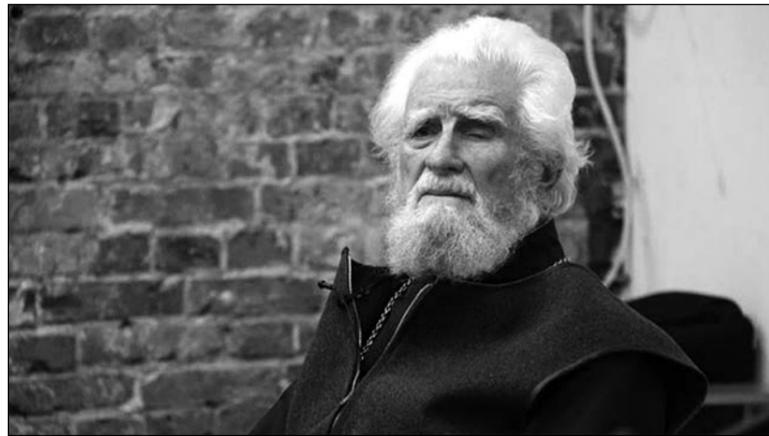
«Я осознал, что напишу и опубликую эту книгу лет 75 назад. Во время «мертвого часа» в детском саду на цыпочках вошла воспитательница и сняла со стены портрет П.Постышева [советского партийного деятеля, расстрелянного во время сталинских репрессий в 1939 году, впоследствии реабилитированного]. Когда мы все пришли на полдник, я спросил: «Клавдия Петровна, почему вы сняли товарища Постышева?» Она произнесла: «Тш, тш» и быстро ушла. Мама объяснила, что Постышева нельзя называть «товарищем» и говорить о нем ни с кем нельзя. Папа

сказал, что Постышев – враг народа. О врагах народа нужно молчать. Вырастешь – поймешь. А пока – молчи. Тетя Франя и тетя Дора, соседки по квартире, сказали, что Постышев – «пшеклентый большевик», что он вместе с Косиором и Якиром устроил на Украине голодомор, за это их, злодеев, Бог наказал. Только ты, Юрания, никому ничего не говори. Я забрался под кровать, где сидел кот Мурзик, и дал ему честное слово, что, когда вырасту, никогда никому не буду говорить: «Тш, тш». Мне было тогда семь лет», – написал Георгий Эдельштейн в авторском предисловии к изданию.

Отдельное место в книге занимают воспоминания о взаимоотношениях костромского сельского священника с представителями КГБ и высшего духовенства РПЦ. В том же предисловии Эдельштейн пишет:

«О творчестве автора судить следует самому читателю. Могут лишь пояснить, что все предыдущие работы автора если и хвалили, то скупой и редко. Например, в опровержение его кандидатской диссертации успешно защитили 9 или 10 диссертаций.

«...» За интервью «Чекисты... в рясах» еженедельнику «Аргументы и факты» № 36, август 1991 г., собравшая три часа плевала мне в харю. Рецензии на статьи, вошедшие в «Записки сельского священни-

ка» (например, письмо митрополита Гелеона в газету «Пределы века»), были ненамного более корректны. У меня есть основания предполагать, что и Патриарх Кирилл не был в восторге от моего интервью газете «АиФ». Там было сказано: «Владыка Кирилл является руководителем Отдела внешних церковных сношений – учреждения, которое кагэбзизировано полностью, начиная с председателя и кончая швейцаром».

Около 20 лет назад я был на конференции в Кишиневе. За столом президиума – первые лица государства: президент Молдавии, глава правительства, спикер парламента. Здесь же – председатель ОВЦС митрополит Кирилл и первоиерарх Молдавской церкви митрополит Владимир.

Ведущий, академик И.Друцэ, говорит: «Слово предоставляется Льву Михайловичу Тимофееву, подготовиться священнику Георгию Эдельштейну». Но потом почему-то предоставили слово католическому епископу. Во время перерыва Ион Друцэ подошел ко мне: «Отец Георгий, чем вы так насолили митрополиту Кириллу?» – «Не знаю, не уверен, что он помнит мое имя». – «Отлично помнит. Как только я назвал вас, Кирилл сказал мне: «В моем присутствии прошу слово Эдельштейну не предоставлять. Завтра меня здесь не будет, пусть болтает хоть целый день».

<...>

Великий каппадокиец Григорий Богослов однозначно сформулировал более полутора тысяч лет назад: «Молчаем и предаем Бог».

Священномученики митрополит Филипп (Мацеевич) с точки зрения здравого смысла – просто глупцы. Бессмысленно было публично обличать безумного тирана Ивана Грозного или вольтерьянку Екатерину II. Оба порфириносных палача прославлены сегодня намного шире, чем их жертвы.

И совсем уж в пренебрежении у нас подвиг членов Святейшего Синода, засвидетельствовавших факт отпадения от Церкви Л.Н.Толстого. Бессмысленнейшее деяние, единственный его результат – ушатые нечистот, вылитых на головы подписавших «прогрессивной мировой общественностью».

Жена писателя, Софья Андреевна, писала в феврале 1901 г.: «Бумага эта вызвала негодование в обществе... Льву Николаевичу три дня подряд делали овации, приносили корзины с живыми цветами, посылали телеграммы, письма. Посетители с утра до вечера: целые толпы... Я написала в тот же день свое письмо митрополитам... Оно переведено на все иностранные языки. Меня это радовало...»

Зачем мудрый митрополит Антоний (Вадковский) отвечал на пись-

ма Софьи Андреевны? Нелепо было пытаться переубедить ее и тем более «всю мировую прогрессивную общественность». Корзины цветов «мудрому мыслителю Толстому» до сих пор несут. И овации до сих пор не прекращаются. Митрополит Антоний знал это, но он был христианином и считал своим долгом свидетельствовать.

Я не педагог, не агитатор, не миссионер. Я считаю своим долгом только свидетельствовать. Если кто-то называет мои писания бесцельными и бессмысленными, я не возражаю.

Блудного сына никто не агитировал. Он сам все осознал, встал и пошел к Отцу. Верую и исповедую, что и наши блудные сергианцы вернутся к Поместному Собору 1917–1918 годов, к заветам Соловецких епископов-исповедников».

Ибо только там наш Отец – с Новомучениками и Исповедниками Российскими, с участниками того Святого Собора».

Организаторы презентации книги «Право на правду» – историко-просветительское общество «Костромской Мемориал» и Костромское церковно-историческое общество при поддержке Костромской группы Комитета гражданских инициатив и Московской Хельсинкской группы.

Приобрести книгу можно в научной библиотеке и в Интернет-магазине blagochestie.ru

Николай СОРОКИН,
Костромской «Мемориал»

1. Среди соловецких исповедников 29 архиереев Русской православной церкви, которые в лагерных условиях образовали церковный орган – Собор соловецких епископов, во главе которого стоял правящий епископ Соловецкий.

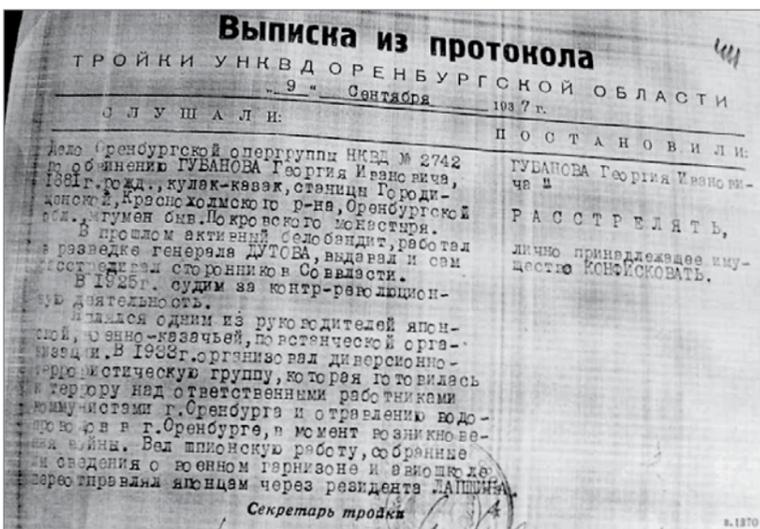
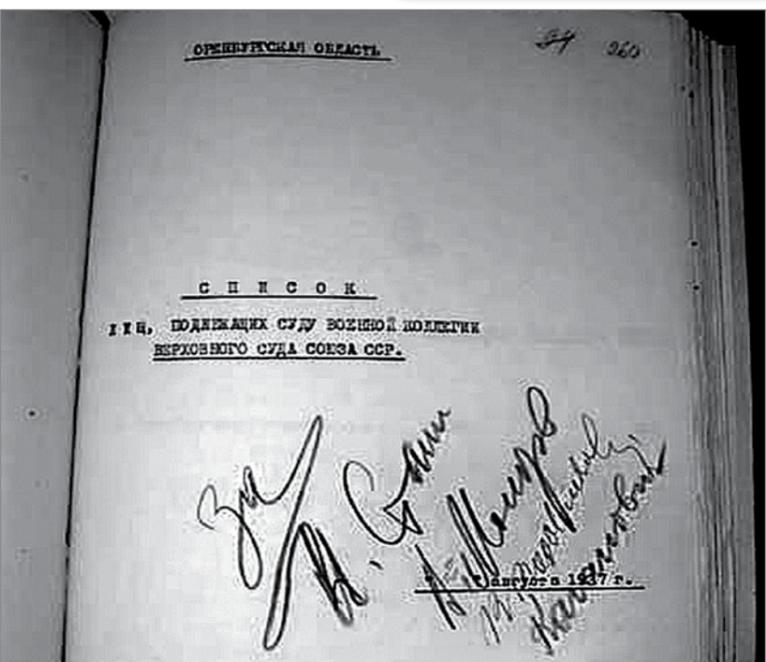
В 1926 г. Собором было составлено обращение к правительству СССР (знаменитое «Соловецкое послание», в котором открыто были заявлены факты гонения на Церковь и несоответствия конституционным нормам вмешательства во внутрицерковные дела. Авторы обращения заявляли о необходимости практического воплощения декларируемого властями принципа разделения Церкви и государства, строгого разграничения их сфер. – Примеч. «30 октября»)

На снимке: Георгий Эдельштейн.

Фото из архива Музея ГУЛАГа

КНИГА ПАМЯТИ ОРЕНБУРЖЬЯ

В начале января вышло в свет новое издание Книги памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. Книга, созданная местным движением «Мемориал», содержит сведения о репрессированных оренбуржцах, расстрелянных и захороненных в Зауральной рошце города Оренбурга на бывшем спецобъекте УНКВД (УМГБ) СССР по Оренбургской области, представляющем собой место массовых захоронений 1920–1950-х годов. Объект признан памятником истории и культуры. Здесь создан мемориал Памяти жертв политических репрессий Оренбуржья и установлены памятники и памятные знаки. Общее число захороненных в этом месте — более 8400 человек.

Издание приурочено к 30-летию воскресшей памяти народной, к 80-й годовщине великой трагедии 1937 года и к 100-летию трансформаций 1917 года. Книга памяти выпущена ООО «Оренбургский печатный двор».

ДЛИННЫЕ СПИСКИ ИМЕН

В книге приведены списки 7967 оренбуржцев, казненных по приговору различных судебных и внесудебных органов, а также умерших в процессе следствия, чьи дела впоследствии были пересмотрены и прекращены из-за отсутствия состава преступления, приговоры по ним отменены, а осужденные реабилитированы.

Опубликованы имена 1242 оренбуржцев, подлежавших суду Военной коллегии Верховного суда

СССР в период 1937–1938 гг. (копии документов из архива президента РФ, материалы Общества «Мемориал»). Из них 1198 фамилий отнесены к 1-й категории (расстрел), списки в подлиннике имеют визы первых руководителей государства и ответственных составителей (архив президента РФ); 44 фамилии отнесены ко 2-й и 3-й категориям.

Названы имена 89 оренбургских узниц «АЛЖИРА» (по данным архива Общества «Мемориал»).

Также в Книге памяти опубликованы воспоминания очевидцев, статьи и документы, фотографии, рассказы о деятельности мемориального сообщества Оренбуржья, связанные с возрождением памяти. (В «30 октября» № 111 были напечатаны некоторые материалы из готовящейся книги.)

Оренбургский список репрессированных различными судебными и внесудебными органами и впоследствии реабилитированных граждан насчитывает более 26 тысяч фамилий, включая 8,4 тысячи расстрелянных, а также умерших до суда.

Книга памяти содержит множество фотоматериалов, документов, публикаций в СМИ, а также списки жертв политических репрессий, захороненных на территории Зауральной рошчи Оренбурга. Место массовых захоронений в Зауральной рошче открыто в 1988 году, а весной 1989 года установлен первый памятный знак из черного гранита, положивший начало существующему сегодня мемориалу Памяти. С той поры в Оренбурге сложилась традиция ежегодно отмечать в июле День памяти жертв политических репрессий. Тогда же граждане начали устанавливать памятники своим родственникам.

Новая Книга памяти издана на средства муниципалитетов, организаций и учреждений

Оренбургской области. Напомним, что предыдущие издания Книги памяти Оренбургской области выходили в 1998 и 2010 годах. Финансирование этих изданий «Книги памяти жертв политических репрессий в Оренбуржье» производилось за счет добровольных пожертвований граждан, работавших над составлением и изданием книги, и за счет средств, выделенных отдельной строкой в рамках программы патриотического воспитания на 2006–2010 годы из бюджета Оренбургской области.

ПОЧЕМУ ЭТО ВООБЩЕ У НАС БЫЛО

В предисловии к новой Книге памяти составители пишут о том, что время берет свое. «Уходят люди, которые могут рассказать, как это было, и с ними уходит многое невысказанное, оно остается неизведанным. И все меньше возможностей донести до людей слова правды участников и очевидцев тех со-

битий, правду о том, почему были массовые репрессии, почему были расстрелы по разнарядке, почему людей сажали на десятилетия в лагерь <...> за горсть собранных в поле хлебных колосков. Еще труднее объяснить, почему это было государственной политикой. И практически невозможно понять и объяснить с человеческой позиции, почему это вообще у нас было.

Были Гражданская война, голод, крестьянское восстание, последовавшие расказачивание, раскулачивание, репрессии 1930-х, 1940-х, 1950-х годов. Была система ГУЛАГа. Был план, были квоты и разнарядки, и людей делали виновными, и выполнялся план. И был закон, который это позволял. И были люди, которые применяли «лучшие в мире» законы для уничтожения сограждан, тех, с кем жили на одной улице. И были палачи и жертвы. Других не было... Впрочем, нет. Если следовать духу основателей репрессивной системы, были «еще не выявленные враги народа». Но все это были тоже «мы», жившие на одной улице...»

По сведениям управления социальной защиты населения, в 2015 году в Оренбуржье проживало около 5 тысяч репрессированных (реабилитированных) граждан и членов их семей, признанных репрессированными по закону.

«Известно: неведение и незнание ведут к забвению. Но общество и люди, забывшие свое прошлое, не имеют будущего. И репрессии возникли не сами по себе, их вершили люди... И совсем не факт, что те трагические события повторяются так, как они были. Нет, совсем даже нет. Их форма может оказаться настолько иной, что сначала будет казаться, что так и должно всему быть. Ведь тогда тоже все делалось ради светлого будущего и все вершилось именем высшей идеи, во имя великой цели — счастья...» — написано в предисловии к новому изданию.

Не умаляя достижения народа и величие достижений страны, составители Книги памяти задают риторическим вопросом: зачем? «Для достижения каких идеальных целей сложились сопутствующие обстоятельства, которые в итоге оказались нечеловеческими, антигуманными, разрушившими общество и само государство — репрессиями. Это трудно для понимания, но понимание этого необходимо», — считают составители Книги памяти.

Александр РОЖДЕСТВИН,
Оренбургский «Мемориал»

На снимках: Титульный лист «расстрельных» списков по Оренбургской области с подписями Сталина и ответственных лиц.

Выписка из протокола о расстреле. Зауральная рошча Оренбурга, современный вид.

Фото автора и из архивов НИПЦ «Мемориал», Москва, и Оренбургского «Мемориала»

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПОДПИСИ НА СОВЕТСКОМ ЧЕРВОНЦЕ — ФИЛЬМ О РЕПРЕССИЯХ

➤ Окончание. Начало на с. 7

ся в фильме, были репрессированы. Только Арон Шейнман, в начале 1920-х годов бывший председателем правления Госбанка и заместителем наркома внешней и внутренней торговли СССР, в конце 1920-х годов выехал в загранкомандировку и не стал возвращаться, видимо, предчувствуя волну репрессий. Тем самым он сохранил себе жизнь.

Накануне революции Михаил Шефлер, чья подпись также стоит на советском червонце, объяснил родителям, почему он примкнул к партии большевиков. Предвидя результатом революции большой

кровавый террор, он надеялся, что добьется в партии через продовольственный комитет совершенствования сельского хозяйства и сможет перенаправить деятельность вождей революции от кровопролития к созиданию. Михаил Шефлер был членом коллегии Наркомата земледелия РСФСР, председателем Национального банка РСФСР, ректором Тимирязевской академии. 20 апреля 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР осудила его по ст. 58-7, 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 15 лет лишения свободы. Шефлер отбывал наказа-

ние в Устьвымлаге. Он умер 5 февраля 1943 года от крупозного воспаления легких. В 1992 году он был реабилитирован.

Член правления Госбанка СССР Василий Шер — дворянин, профессор, меньшевик, сын крупного домовладельца — родился в 1881 году. В 1917 году он — помощник командующего войсками Московского военного округа, накануне Октябрьской революции — начальник политуправления военного министерства. После октября 1917 года Шер работал в Центросоюзе, а в 1920-е годы был членом правления Госбанка СССР.

В 1931 году он стал одним из фигурантов процесса «Союзного бюро РСДРП». Этот процесс был очередной показательной акцией партийно-хозяйственного управления, которое хотело всю вину за экономический кризис возложить на спецов из числа «бывших». И, естественно, сотрудники Госбанка были среди тех, кто попал под удар. Василий Шер был осужден на 10 лет лишения свободы. Реабилитирован в 1991 году.

«Меня потрясли судьбы этих людей, чьи факсимиле были на червонцах в разное время. Особенно тех, которые, будучи известными финансистами царского времени, перешли на сторону советской власти, поставив интересы России выше своих политических воззрений. Все они были репрессированы», — сказал автор фильма Борис Дворкин.

Он также отметил, что в работе над лентой ему большую помощь оказывали сотрудники управления общественных коммуникаций Центрального банка России. Для создания фильма он использовал материалы из Госархива кинофотодокументов, Российского госархива социально-политической истории, Госархива экономики, личных архивов.

Червонцы имели платежную силу до декабря 1947 года, когда в СССР была проведена очередная денежная реформа.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент Интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

Как известно, первая репрессивная кампания в постсталинскую эпоху была начата после закрытого письма ЦК КПСС от 19 декабря 1956 года «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Непуганная недавним венгерским восстанием, прелюдией к которому стали массовые выступления студентов, партийная верхушка в течение двух лет проводила жесткую «зачистку» в советской студенческой среде.

Обвинительные приговоры были вынесены более чем 4 тысячам подсудимым. Пик репрессий пришелся на 1957 год, когда на скамье подсудимых оказались 2498 человек, большинство из которых были студентами вузов крупных городов.

Один из репрессированных в то время — член правления Муромского «Мемориала» Юрий Иванович Додонов.

Юрий Додонов родился в 1935 году в семье рабочих, учился в школе села Малышево Селивановского района Владимирской области. Был избран председателем пионерской дружины, вместе с другими активистами совершил ночной 20-километровый поход в район за комсомольскими билетами, в каникулы работал в колхозе.

Жизнь проходила в труде и лишениях, но была юность и восторженная вера в торжество коммунизма и прекрасное будущее.

Додонов много читал. Любимыми его героями были Овод, Павка Корчагин, Спартак. Подражая им, юноша хотел принести как можно больше пользы своей стране, сделать ее богатой и счастливой.

Вскоре семья переехала в поселок Вербовский, ставший впоследствии микрорайоном Муром.

В 1952 году Юрий стал курсантом Рижского высшего инженерного военного училища. Учился он прилежно, занимался общественной работой и спортом.

В 1954 году Додонов познакомился с младшим лейтенантом Ветольдом Аникушиным. Знакомство перешло в настоящую дружбу. Молодые люди много говорили о развитии социализма и о переходе к коммунизму, о разном уровне жизни советских граждан из разных социальных слоев.

Аникушин, узнав, что мать Додонова работает уборщицей и на скудную зарплату воспитывала троих детей, обратил его внимание на то, как хорошо живет некоторым сокурсникам. Отец одного из них был заместителем председателя Совета министров Латвии, отец другого — полковником. Этим сытным и беззаботным ребятам были гарантированы «теплые места», а детей многочисленных партаппаратчиков тем более ожидало то самое светлое будущее, о котором писали в газетах. И не через 100 лет, а сразу после получения образования.

В долгих спорах о будущем страны друзья пришли к единому мнению. Переход от социализма к коммунизму в сложившихся условиях возможен только революционным путем. Нужно очистить партию от окопавшихся в ней врагов истинной революции, сломать ненужные бюрократические наслоения.

«РАЗРАБОТАЛИ ПРОГРАММУ ПАРТИИ»

В своих воспоминаниях Юрий Додонов подробно пишет об этом времени.

«Ветольд поставил вопрос о создании революционной партии

в России на основе кружков «революционных коммунистов», как мы себя именовали. Именно этот максимализм особенно подкупил меня, и я с головой окунулся в подготовку к неизбежным, как мы считали, революционным событиям.

Страшное своей неожиданностью обличие Хрущевым сталинизма у многих вызвало просто столбняк. А как было сочетать волну полуреабилитации с волной новых арестов, когда политику «шили» даже за анекдот?

Мы готовили программу коренного преобразования политико-экономической платформы нашего общества. Разработали программу партии».

Предусматривалось одностороннее сокращение армии на 50% и ее глубокое реформирование, невмешательство во внутреннюю политику других народов и государств, всемирное атомное и химическое разоружение, полное гособеспечение детей, инвалидов и пенсионеров, альтернативное ведение мелкого сельского хозяйства и частично среднего промышленного производства при сохранении собственности на землю и природные ресурсы.

Эту программу предполагалось вынести на всенародное обсуждение. Но прежде необходимо было обсудить ее с единомышленниками из других городов.

«В процессе пропаганды нашей программы с рабочими и студентами Риги и Москвы нас убедили в том, что название Революционной Коммунистической партии не вызвало к нам особенного доверия, несмотря на действительно революционную программу», — вспоминает Додонов.

Решено было назвать партию Революционно-Демократической, так как именно демократизация общества и снятие «железного занавеса» должны были стать основой революционных преобразований.

Армейские условия ограничивали возможности ребят, и они подали рапорты об отчислении из училища. Аникушин поступил в университет Ростова-на-Дону, а Додонова, не засчитав ему срок обучения, отправили на службу в авиационный полк в Елгаву (Латвия). Здесь Додонов пытался продолжить свою работу, но скоро понял, что их судьба предрешена.

«Я очень скоро понял, что мы обречены на поражение, что наша судьба — судьба декабристов (кстати, нас потом так и называли товарищи). Но у меня ни разу не мелькнуло в душе такое понятие, как «жертва», ибо все, что на пользу революции и во имя народа, —

«ВСТРЕТИМСЯ НА БАРРИКАДАХ!»

это уже не жертва. По-другому я не мог думать и не думал. Со всей юношеской бескорыстностью я шел навстречу своей судьбе».

«МЕНА НАСТОЙЧИВО ПРЕВРАЩАЛИ В ПРЕДАТЕЛЯ И ОТЩЕПЕНЦА»

Второго марта 1957 года Додонов был арестован и помещен в следственную камеру-одиночку Рижского отдела УКГБ. Первый следователь, полковник Королев, показался Додонову интересным умным человеком. Казалось, что он даже разделяет взгляды арестованного.

Однако, поскольку основной группы являлись студенты ростовских вузов, уголовное дело Додонова объединили с «ростовским», а его этапировали в следственный изолятор УКГБ по Ростовской области.

«Здесь я встретился с иным психологическим отношением со стороны следователей, — вспоминает Додонов. — Из героя-революционера меня настойчиво превращали в предателя и отщепенца. Потом я понял, что на позицию следователей несомненное влияние оказало заключение так называемой «научной экспертной комиссии». Фамилии экспертов, их должности и научные звания в те годы звучали громко».

Изъяты при арестах и обысках документы, письма и стихотворения эксперты проанализировали и прикрепили к обвиняемым такие определения, как «мелкобуржуазные анархисты и бунтари, зарвавшиеся авантюристы и невежественные извращенцы, нытики и клеветники». Эти эпитеты прозвучали и на закрытом суде.

Додонов был осужден по статье 58-10-11 УК РСФСР на 6 лет исправительно-трудовых лагерей.

Он на всю жизнь запомнил: когда новоиспеченных «врагов народа» под дулами автоматов вывели из зала военного трибунала, их встретила огромная толпа студентов, образовавших на улице живой коридор. Один из осужденных, Семен Платохин, громко крикнул: «Встретимся на бар-

рикадах!» И встречавшая их толпа прокричала: «Встретимся на баррикадах!» Конвой сначала замер от неожиданности, но, опомнившись, быстро затолкал осужденных в приготовленные «воронки». Начались пересыльные этапы вплоть до Дубровлага.

«Я СОГЛАСЕН ЕЩЕ РАЗ ПРОЙТИ СТРАШНЫЙ ЛАГЕРНЫЙ ПУТЬ»

После следственных тюрем и пересылок лагерь показался студентам свободнее воли. Они, еще не до конца осознавшие, что с ними произошло, продолжали диспуты и философские споры и за колючей проволокой. Срок пришлось отбывать с изменниками Родины, полиция, карателями и прочими прихвостнями фашистов. Они и в советском лагере прислушивались своим новым хозяевам, получая более увесистые пайки и досрочное освобождение.

«Но большинство, — отмечает Додонов, — были все-таки наши. И я согласен еще раз пройти страшный лагерный путь хотя бы только потому, что встретил там замечательных людей — поэтов Василия Вернадского, Валентина Соколова, а также Степана Ананьева, Хрисанфа Тарашевского, Юрия Петухова, Олега Чистякова, Бориса Хайбулина и многих-многих других».

В лагере Додонов начал писать стихи. Впоследствии он издал несколько сборников и стал одним из известных поэтов Владимирской области.

В 1961 году дело студентов пересмотрели, и Додонов вышел на свободу. Приехав домой, он вновь ощутил к себе «интерес» органов. Пришлось завербоваться в геолого-разведку. Додонов искал слюду на Витиме (правый приток Лены), золото на приисках Бодайбо и Лены, свинец и мрамор в Прибайкалье.

«ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ...»

В родные места Юрий вернулся уже при Андропове. Завел семью, стал работать в строитель-

ной фирме. В 1994 году вступил в Общество «Мемориал», стал членом правления. В 1990-х годах был избран депутатом городского совета народных депутатов.

По его инициативе было принято постановление о предоставлении реабилитированным дополнительных льгот. Юрий Иванович пользовался уважением членов нашей организации за свою принципиальность, внимание к людям и доброту.

Несмотря на подорванное здоровье, Додонов провел много ярких встреч с молодежью и творческой интеллигенцией, рассказывая о пережитом, читал свои стихи.

Он умер в возрасте 80 лет, окруженный вниманием родственников и близких.

Еще в 1996 году в материале для первого сборника «Мемориала» он писал: «Горько осознавать сегодня, но так называемая перестройка и дальнейшее реформирование страны так и не принесли народу ничего, кроме разорения и обманы, «свобода» согнула его под ярмо новых наместников и что еще хуже — беззакония. Слишком медленно раскачиваются новые законодатели, а страну в это время разворовывают новые беззастенчивые капиталисты».

Грядут новые выборы... Хочется верить, что на этот раз придут более добросовестные и грамотные головы и наша Родина выйдет наконец из шока... и обретет лицо не мачехи, а любящей матери своего народа».

Хочется верить...

Александр МАСЛОВ,
Муромский «Мемориал»

На снимках: Дубровлаг. Внутренний двор.

Фотографии Юрия Додонова

из семейного альбома.

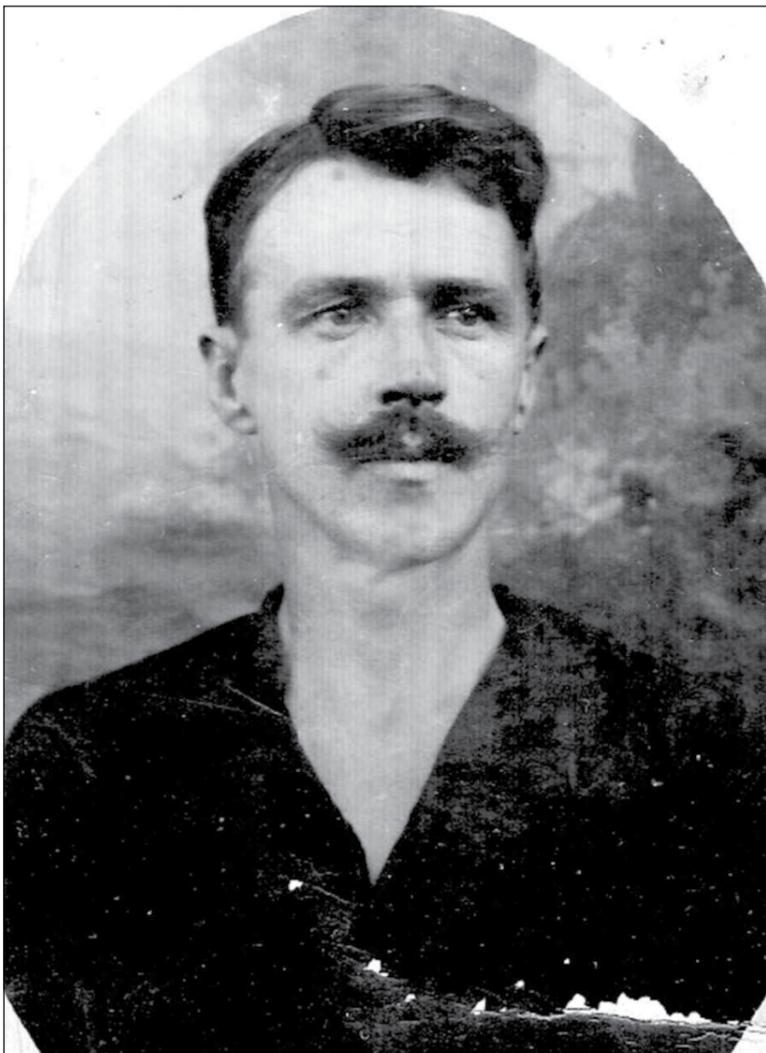
Поэты Муромского Общества «Мемориал» перед презентацией первого сборника «Мемориала».

Слева направо: Лев Савчук, Юрий Матвеев, Альберт Удалов, Юрий Додонов, Юрий Мятлевский, Николай Лобанов. Фото 1996 года.

Фото из архива Муромского «Мемориала»

«ЗА КЛЕВЕТУ НА «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ» ВЫБОРЫ...»

В отделении «Мемориала» в Северодвинске готовится к изданию книга воспоминаний, живущих в Архангельской области, детей репрессированных. Денег на издание книги нет, но материалы уже готовы, и составитель сборника Галина Шаверина предлагает вниманию читателей «30 октября» один из фрагментов будущей книги. Это воспоминания Дины Ильиничны Тюлиной. Ее отец Илья Тихонович Миронов, уроженец Екатеринбургской губернии, житель г. Молотовска (Северодвинск), рабочий завода № 402, был арестован 29 мая 1938 года. 2 августа 1939 года он был незаконно осужден Архангельским областным судом по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР и приговорен к лишению свободы сроком на 5 лет с поражением в правах на 2 года. Илья Миронов был полностью реабилитирован 20 марта 1992 года.

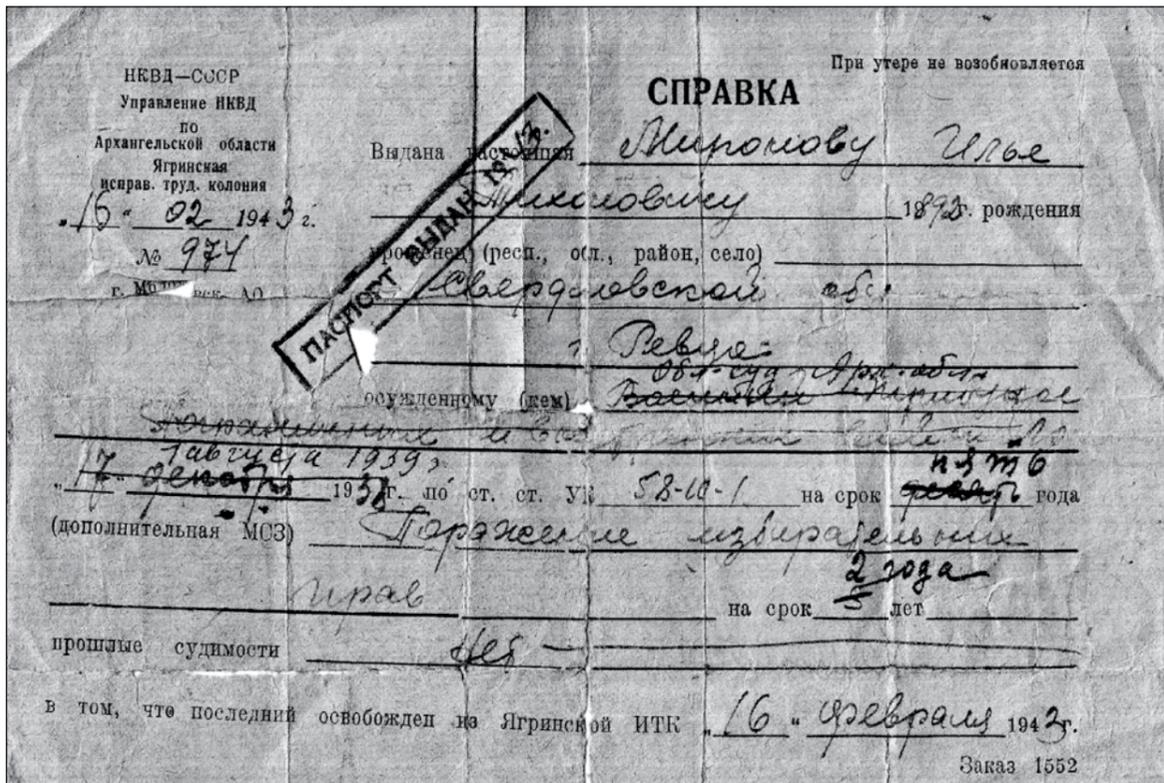
Мой папа Миронов Илья Тихонович родился в 1892 году в городе Ревда Екатеринбургской губернии в семье кустика, русский, по специальности токарь. На моей маме Александре Васильевне, 1898 года рождения, он женился в 1914 году. В семье родилось пятеро детей: Антонина в 1915 году, Екатерина в 1920 году, Любовь в 1925 году, Владимир в 1927 году и я (Дина) в 1929 году. Папа был с беспокойным характером, любил ездить на новые стройки, повсюду возил и свою семью. Так они с мамой побывали в Омске, Новосибирске (там в 1929 году я родилась), в абхазском Ткварчели.

В 1937 году папа, вероятно, писал письмо на Судострой¹, так как сохранился ответ, в котором ему предлагают должность токаря и излагают условия: «1. Оплата труда сдельная с неограниченным процентом приработка. 2. Обеспечим общежитием Вас, а летом предоставим комнату. 3. Подъемные оплатим по 82 ст. КЗОТ. ...» (письмо от 21 февраля 1937 года). Подъемные в сумме 2665 рублей 60 копеек папе так и не выплатили. Сохранился авансовый отчет, составленный им 13 августа 1937 года, и доверенность на маму для получения подъемных от 25 января 1940 года, написанная в лагере. Маме денег тоже не выдали.

На Судострое папа работал токарем-фрезеровщиком по металлу. Мама не работала. Вначале нам дали одну комнату на две семьи, потом вторую семью отделили. Папа с 1 июня 1938 года должен был идти в отпуск, но поздним вечером 29 мая его арестовали. Произвели обыск, изъяли все документы, вплоть до наших свидетельств о рождении.

Утром милиционер выселил нас из комнаты, на комнату навесил замок и опечатал дверь. Мы в течение недели сидели на чемоданах в коридоре. Зять Василий вечерами срывал печать и замок и впускал в комнату ночевать. Утром приходили милиционеры и вновь запирали и опечатывали комнату. Через неделю от нас отступились, мы стали жить в этой комнате.

Мама пошла устраиваться на работу, но ее нигде не брали как жену «врага народа». Сжалилась над мамой Левина Дарья Михайловна, работавшая в светолечебнице на улице Беломорской. Она вошла в положение, вероятно, потому, что у нее был арестован муж. Дарья Михайловна предложила маме работу гардеробщицы без оформления, сказала подождать, пока все уляжется, тогда оформлю. Деньги за работу платила без ведомости. Мама работала гардеробщицей до 1943 года, пока не вернулся из лагеря папа.

Папа в июле 1938 года, еще до суда, из тюрьмы УГБ в Архангельске писал письмо председателю Архангельского облсуда, в котором просил вызвать хорошо знавших его рабочих на суд, чтобы они рассказали о его добросовестной работе, о том, что он никогда не высказывался против советской власти. Кроме того, он заикался и боялся, что не сможет сам на суде доказать свою невиновность.

Военный трибунал пограничных и внутренних войск ЛО (расшифровать) по Архангельской области осудил папу 17 декабря 1938 года по ст. 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в политических правах на 5 лет. Обвинен папа был в том, что «...будучи антисоветски настроенным элементом, работая на строительстве 402-го завода, начиная с ноября месяца 1937 года по май месяц 1938 года, систематически вел среди отдельных рабочих контрреволюционную агитацию, направленную на подрыв и дискредитацию органов Советской власти. Для этой цели Миронов в конце 1937 года создал на заводе контрреволюционную группировку из отдельных антисоветски настроенных лиц. Эта антисоветски настроенная группа, в состав которой входили... (в протоколе обозначены четыре фамилии) в контрреволюционных целях рассуждали антисоветские анекдоты, оскорбительно отзывались о руководителях партии и правительства. Сочувственно отзывались о врагах народа Троцком, Бухарине и других изменниках родины, осужденных Советским судом и убитых, клеветнически отзывались о Сталинской Конституции и о демократических формах выборов в органы Советской власти. Восхвалял фашизм и его захватническую политику...»

В апреле 1939 года, после суда, находясь еще в Архангельской городской тюрьме, папа пишет письмо Прокурору Союза ССР. В своем письме он описывает методы следствия. Следователь «при закрытом кабинете набросился на меня с кулаками и пин-

ками, бранью и матерщиной и поставил на ноги и так я стоял две ночи. Следователь, угрожая расстрелом, требовал с меня, чтобы я сам написал какую-то мою контрреволюционную деятельность с начала революции. Кричал и обзывал меня всякими похабными словами, которые невозможно описать, и также требовал людей несколько человек, что бы я написал, что у нас на заводе была троцкистская организация, и если я не буду писать, то живым из кабинета не выйду и буду убит, и также семья моя будет арестована <...>, и я, видя, что не выдержу этих пыток и видя в камере сидевших со мною вместе товарищей, которых держали в кабинете без выхода по 14 и более суток, и так как я физически слаб, и во-вторых имею порок от роду заикание от испуга, я спросил, что писать, и под диктовку стал писать, что нужно было, и никакие мои доказательства, что это неверно, не помогли. Писал все, что он требовал...»

Под влиянием этого письма или по каким-то другим обстоятельствам, но 1-2 августа 1939 года в Молотовске (сейчас Северодвинск) состоялась выездная сессия Архангельского областного суда, которая сократила папе срок заключения в ИТЛ с десяти до пяти лет и срок поражения в правах с пяти до двух лет.

Папа находился в заключении в Талажской колонии Ягринлага. Писал письма, мама его навещала. Освободился 16 февраля 1943 года.

Возвратился папа очень похудевший и больной. Устроился на работу токарем на спецзавод №3 (будущий завод «Севдормаш»), подрабатывал в свободное время в столовой. Туда же, на спецзавод, устроил на работу и нас с сестрой Любой: меня (в неполных 14 лет) учеником токаря, Любу секретарем. Устроившись на работу, мы стали получать рабочие карточки. Работали тогда все по 12 часов в день в две смены. Я стояла у станка на подставке, нарезала резьбу на стаканчиках для мин. Шила себе из обтирочной ткани куклу и привязывала ее к станку перед началом работы. Потом меня пе-

ревели на работу бракером (бракераж — осмотр предметов производства с целью выявления брака). Рабочий день у бракеров длился всего 8 часов, стало легче. После окончания войны разрешили уходить с завода тем, кому не исполнилось 16 лет. Я ушла работать на швейную фабрику и трудилась там 40 лет.

До возвращения папы из лагеря наша семья голодала. Папа писал маме из лагеря, чтобы она меняла вещи на продукты, ничего не жалела, но сохранила себя и детей. Мама брала меня с собой, когда ездила по деревням менять вещи, в основном на картошку. Она говорила, что с малым ребенком пожалуют и больше дадут. Мы ездили с ней на «дежурке» до Исакогорки, а там шли по деревням. Школу я посещала 1-2 раза в месяц, поэтому никакого образования не получила. Я с детства очень любила шить. Мама говорила мне, что у меня ремесло в руках, а старшие пусть учатся.

Папа после освобождения из лагеря, прожил всего три года. В 1944 году получил вторую группу инвалидности вследствие резкого понижения мышечного тонуса и ослабления физической силы. В ноябре 1944 года он писал заявление начальнику милиции с просьбой выдать пропуск для проезда в Абхазию — там он жил и работал 7 лет до переезда на Судострой и оттуда получил телеграмму с согласием принятии его на лечение. Получил ли папа разрешение на выезд, я не знаю. Скончался он в Молотовске в 1946 году. Реабилитирован Илья Тихонович Миронов 20 марта 1992 года.

Галина ШАВЕРИНА,
Северодвинск

¹ В 1936 г. начато строительство судостроительного завода в районе Никольского устья Северной Двины. Строительство и поселок строителей были названы Судостроем. В 1938 г. Судострой получил статус города и имя «Молотовск». В 1957 г. Молотовск был переименован в Северодвинск.

На снимках: Илья Миронов, 1930-е гг.
Справка об освобождении, 1943 г.
Фото из архива Галины Шаверины

ФЕВРАЛЬСКИЕ И МАРТОВСКИЕ ХРОНИКИ

1917. 23 февраля (8 марта) – 2 (15) марта
Февральская революция в Петрограде. Российская монархия пала. Образовалось первое Временное правительство. Были освобождены сосланные в Сибирь члены Государственной думы, им было обеспечено почетное возвращение в Петроград, и более тысячи политзаключенных.

1922. 23 февраля
ВЦИК РСФСР издал декрет об изъятии изделий из драгоценных металлов из храмов Русской православной церкви. Верующие, возмущенные конфискацией святынь, встали на их защиту. В первом полугодии 1922 г. в разных городах РСФСР произошло более 1400 столкновений, были жертвы. Власть ответила карательными мерами, состоялось более 200 судебных процессов, перед судом предстали свыше 700 человек (преимущественно священнослужители и монахи). По данным, которые приводит Православный Свято-Тихоновский богословский институт, за 1921–1923 гг. было арестовано 10 тысяч человек, расстреляно около 2 тысяч человек.

1927. 25 февраля
ЦИК СССР утвердил «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлений против порядка управления)». На его основании в Уголовные кодексы РСФСР (в июне 1927 г.) и других союзных республик были введены основные составы политических преступлений, свыше 30 лет служившие юридической базой массовых репрессий (в РСФСР – знаменитая статья 58).

1937. 23 февраля–3 марта
Состоялся пленум ЦК ВКП(б), посвященный усилению борьбы с «врагами народа». В частности, на пленуме были исключены из партии, а затем арестованы Н.И.Бухарин и А.И.Рыков. После пленума началась разработка массовых репрессивных операций, которые впоследствии получили название «Большой террор».

1947. 15 февраля
Президиум Верховного Совета СССР издал указ о запрещении браков граждан СССР с иностранцами. Этот закон действовал более 7 лет. Он создавал дополнительные барьеры для контактов советских граждан с иностранцами в рамках сталинской политики изоляции страны от внешнего мира. Впрочем, коммунистам XXI в. ближе иная трактовка: «В тот исторический период, когда после войны необходимо было как можно быстрее восстанавливать численность населения, этот закон был логичным и необходимым» (А.Трубицын «Дождь для брака»).

Февраль–март
В условиях, когда значительная часть населения России, Украины,

Молдавии голодала, власти «добровольно-принудительно» распространяли облигации очередного государственного займа. Голода 1946–1947 гг. в СССР могло не быть, несмотря на последствия войны и засухи 1946 г., поскольку государство располагало достаточными запасами зерна. Однако часть его шла на экспорт, а другая, основная часть запасов никак

не использовалась. На неприспособленных для хранения складах зерно портилось настолько, что не годилось к употреблению. В 1947 г. официальная смертность в СССР выросла в 1,5 раза. По оценкам исследователей, от голода в 1946–1947 гг. погибло от 1 до 1,5 млн человек.

1952. 7–13 февраля
Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело молодежной подпольной группы «Союз борьбы за дело революции». Молодые москвичи – школьники и студенты – вели разговоры, которые были интерпретированы следствием как заговор против Сталина. Трое подсудимых (Борис Слуцкий, Владимир Фурман и Евгений Гуревич) были приговорены к расстрелу, 10 человек (Сусанна Печуро, Ирэна Аргинская, Ида Винникова, Феликс Воин, Григорий Мазур, Владимир Мельников, Екатерина Панфилова, Алла Рейф, Майя Улановская, Инна Эльгиссер) – к 25 годам лишения свободы, еще трое (Тамара Рабинович, Галина Смирнова, Нина Уфлянд) – к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Все подсудимые обвинялись в подготовке покушения на Сталина.

1957. 11 февраля
Верховный Совет СССР принял закон «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов». Указы пересматривали «постдепортационное» административно-территориальное деление, стершее имена этих народов с карты Советского Союза. Об итогах депортации в июле 1944 г. Берия докладывал Сталину: «Во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны НКВД в феврале–марте 1944 г. было переселено на постоянное жительство в Казахскую и Киргизскую ССР 602 193 человека жителей Северного Кавказа, из них чеченцев и ингушей – 496 460 человек, карачаевцев – 68 327, балкарцев – 37 406 человек».

1962. 9 февраля
Московский городской суд вынес приговор активистам молодежных собраний на площади Маяковского в Москве (ныне – Триумфальная) Эдуарду Кузнецову, Владимиру Осипову и самому известному на площади оратору Илье Бокштейну. За «антисоветскую пропаганду» и

«участие в антисоветской организации» подсудимые получили от 5 до 7 лет лишения свободы.

Встречи молодежи у памятника Маяковскому в центре Москвы стали важной фазой становления открытого инакомыслия в столице. Сразу же после открытия памятника в июле 1958 г. «Маяковка» стала неофициальным уличным клубом любителей поэзии. К 1960 г. собрания на площади приобрели отчетливый характер литературно-политической фронды; декламация стихов собственного сочинения дополнялась оппозиционными выступлениями ораторов. Начиная с весны 1961 г. собравшихся разгоняли милиция и комсомольский оперативный отряд, к активистам «Маяковки» применялись внесудебные меры воздействия: «проработки» по месту учебы, отчисление из вузов, исключение из комсомола.

1972. Февраль
Вышел последний, 15-й номер неподцензурного журнала «Общественные проблемы», издававшегося с 1969 г. правозащитником Валерием Чалидзе. В этом журнале публиковались Григорий Померанц, Рой Медведев, Александр Есенин-Вольпин, Софья Каллистратова (анонимно) и другие, печатались переводы документов международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, МОТ – Международной организации труда), посвященных защите прав человека. Журнал подкреплял усилия В.Чалидзе по правовому просвещению, а с возникновением в 1970 г. Комитета прав человека стал его неофициальным печатным органом. В последнем выпуске было напечатано письмо составителя председателю Международной лиги прав человека о проблеме защиты прав тех военнослужащих, которые являются таковыми не по доброй воле и найму, а по обязанности.

1977. 3, 5, 10 февраля
Прошли аресты членов Московской и Украинской Хельсинкских групп, занимавшихся в это время выявлением и обнародованием сведений о случаях злоупотребления психиатрией, а также оказанием помощи жертвам психиатрических репрессий. За решеткой оказались лидеры обеих правозащитных ассоциаций Юрий Орлов и Николай (Мыкола) Руденко и их члены Александр Гинзбург (его арестом власти обезглавили также одновременно и Фонд помощи политзаключенным, распорядителем которого он был) и Алексей (Олекса) Тихий.

1987. 21 февраля
В Нью-Йорке умер Петр Григорьевич Григоренко – военный и политический деятель, многолетний узник советских психиатрических тюрем, правозащитник, член Московской и Украинской Хельсинкских групп, публицист, мемуарист. Одним из первых в Советском Союзе он выступил в защиту народов, репрессированных при Сталине, многие годы помогал движению крымских татар за возвращение на родину, в Крым. В 1997 г. президент России Б.Н.Ельцин подписал указ «Об увековечении памяти Григоренко П.Г.», в котором шла речь о названии улицы в Москве, установке мемориальных досок, учреждении стипендии в Военном университете, проведении вечеров памяти. Исполнение этого указа натолкнулось на сопротивление чиновников, которые заявляли, что Григоренко «разрушал армию».

Президент Украины Л.Д.Кучма в том же году издал указ о награждении Петра Григорьевича Григоренко орденом «За мужество» первой степени (посмертно). В Киеве именем генерала назван проспект, во Львове – площадь. В 1999 г. по инициативе

Меджлиса крымских татар в центре Симферополя на Советской площади без разрешения властей был установлен памятник генералу Григоренко. Городские власти признали монумент лишь в 2004 г., переименовав территорию вокруг него в сквер имени Григоренко.

1992. 1 февраля
Президенты Борис Ельцин и Джордж Буш подписали в Париже символическую декларацию о прекращении «холодной войны». Однако многие стереотипы и даже реалии «холодной войны» все еще не ушли в прошлое ни в России, ни в Америке.

1997. 25 февраля
В Фонтен-о-Роз под Парижем умер писатель, литературовед Андрей Донатович Синявский. С 1956 г. он публиковал свои художественные фантастические и сатирические произведения на Западе под псевдонимом Абрам Терц. В феврале 1966 г. он был за это осужден вместе с Юлием Даниэлем. Им обоим вынесли приговор по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». Синявский получил 7 лет заключения. Срок отбывал в мордовских политических лагерях. Андрей Донатович вспоминал о годах неволи так: «На моем деле... было начертано: «использовать только на физически тяжелых работах», что и было исполнено». Вопреки этому Синявский совершил интеллектуальный подвиг: написал за время пребывания в лагере несколько книг. Он пересылал их на волю фрагментами, в письмах к жене (эти письма были изданы в 2004 г.). Синявский вышел на свободу в 1971 г., с 1973 г. жил во Франции.

1977. 12 марта
Временное правительство своим указом отменило в России смертную казнь. Но в июле того же года она была восстановлена и разрешена к применению военно-революционными судами за ряд военных преступлений, за убийство, изнасилование, разбой и грабеж – всего свыше 20 составов преступлений.

1922. 19 марта
Председатель СНК РСФСР В.И.Ленин направил строго секретное письмо членам политбюро ЦК РКП(б), предлагая немедленно осуществить жестокие репрессии против православного духовенства: «Мы должны именно теперь дать самое беспощадное и решительное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли его в течение нескольких десятилетий».

Ряд процессов против священников и мирян, сопротивлявшихся изъятию церковных ценностей, закончился расстрелами.

1932. 5 марта
ОГПУ СССР издал приказ об организации Котласского пересыльно-перевалочного пункта ГУЛАГа – пересылки, одного из основных транспортных узлов Архипелага ГУЛАГ. Через Котласскую пересылку прошли сотни тысяч, а возможно, и миллионы заключенных. С мая 1940 года пересыльный пункт преобразован в Котласский отдел Главного управления лагерей железнодорожного строительства ГУЛЖДС.

1942. 10 марта
НКВД СССР выпустил директиву «О продолжительности сна заключенных ИТЛ и ИТК НКВД». Директива «категорически» приказывала, «чтобы заключенный имел время для сна не менее восьми часов». Всплеск гуманизма был, по-видимому, связан с открытием,

сделанным ГУЛАГовским начальством: оказалось, что эски, имевшие для сна в лагерной реальности 4–5 часов в сутки, «в результате отсутствия нормального отдыха теряют работоспособность, переходят в категорию слабосильных, инвалидов и т.д.» «И т.д.», по всей видимости, означало ужасающую смертность в лагерях именно в то время (зима 1941-го – весна 1942 г.). Получалось, что именно тогда, когда стране больше всего стала нужна дешевая рабочая сила, эска превращался в доходягу-нахлебника. Вместо увеличения голодной пайки – сон...

1947. 28 марта
Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» для «борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». Новые суды использовались в последние годы жизни Сталина как средство внесудебной расправы и публичного поношения так называемых «антипатриотов» и «низкопослушников» перед Западом. Исследователи утверждают, что в 1947 г. были созданы 82 суда чести, однако не все они провели слушания. Наибольшую известность получило «дело КР» – судилище над учеными-биологами, которые разработали препарат против рака и якобы передали его американцам.

1952. 25 марта
Совет министров СССР принял распоряжение № 6435сс о высылении кулаков с семьями из Западной Белоруссии навечно. Это была последняя акция раскулачивания в СССР. По этому распоряжению было выслено около 6 тыс. человек.

1962. 1 марта
Михаил Александрович Нарича – художник, мемуарист, узник сталинских лагерей – был заключен определением Ленинградского городского суда в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу. В 1960 г. он передал на Запад автобиографическую повесть «Неспетая песня», главный герой которой, художник, гибнет в сталинском лагере. В том же году повесть была опубликована в эмигрантском журнале «Грани». Дело Наричы стало первым известным на Западе случаем использования психиатрии в СССР в карательных целях.

1977. 15 марта
В Москве был арестован Анатолий (Натан) Шаранский, член Московской Хельсинкской группы, активист еврейского движения за выезд на историческую родину в Израиль. Шаранский был обвинен в шпионаже и в 1978 г. приговорен к 13 годам лишения свободы. Его освобождение состоялось в 1986 г. в рамках обмена на арестованных сотрудников разведки ГДР и ФРГ. В 1992 г. он был реабилитирован. Ныне Натан Шаранский – известный политический деятель Израиля, неоднократно входил в правительство.

1982. 31 марта
В Московском городском суде началось слушание дела Ивана Ковалева – инженера, правозащитника, редактора Самиздата. Ему инкриминировалось участие в Московской Хельсинкской группе, сотрудничество с «Хроникой текущих событий». Суд вынес приговор 2 апреля 1982 г. По обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» Иван Ковалев получил 5 лет заключения в колонии строгого режима и 5 лет ссылки.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Учредитель:

Международная общественная организация
«Международное историко-просветительское, благотворительное
и правозащитное общество «Мемориал»*

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в суде

Адрес издателя и редакции:
129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва,
Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info
В подготовке номера участвовал
Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна
Газета «30 октября» № 136 от 16.03.2017 г. (февраль – март 2017). Время подписания в печать: установленное по графику – 10.00, фактическое 10.00.
Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно